

ВЛАД ГЕНДЕЛЕВ

СЛЕДОВАТЕЛЬ
ЦАРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ

ОГНИ
НАД
ЧЁРНЫМ ЛОГОМ

Влад Генделев

**Следователь царской
канцелярии Дмитрий Соболев.
Огни над Чёрным Логом**

«Автор»

2026

Генделев В.

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев. Огни над Чёрным Логом / В. Генделев — «Автор», 2026

Лето 1910 года. Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев приезжает в Липовый Ключ, рассчитывая хотя бы ненадолго забыть о службе. Но сельская идиллия быстро превращается в цепь тревожных загадок: ночные огни над Чёрным логом, таинственные всадники, убийства, ложные следы и опасные тайны, скрытые за спокойной жизнью соседних усадеб. Расследование становится всё личнее. Соболев переживает дуэль, оказывается втянут в сеть чужих секретов и постепенно понимает, что главная опасность скрывается вовсе не там, где её искали сначала. А рядом с ним всё это время остаётся Елена — умная, наблюдательная и всё менее равнодушная к человеку, который умеет раскрывать чужие тайны, но упорно избегает собственных чувств. «Огни над Чёрным логом» — атмосферный приключенческий детектив о преступлении, доверии, выборе и лете, после которого уже невозможно вернуться к прежней жизни.

© Генделев В., 2026

© Автор, 2026

Влад Генделев

Следователь царской канцелярии Дмитрий Соболев. Огни над Чёрным Логом

ОГНИ НАД ЧЁРНЫМ ЛОГОМ

ПРОЛОГ

ОГНИ, КОТОРЫЕ НЕСУТ МЁРТВЫЕ

«Ночью дорога принадлежит тому, кто знает, куда ведёт её тьма».

Из старой деревенской поговорки

Первый огонь Савелий Кузьмич увидел около полуночи.

Он возвращался домой после дальнего обхода и уже миновал старую просеку, когда лошадь вдруг замедлила шаг.

Савелий не сразу обратил на это внимание. Кобыла была немолодая, спокойная, привычная и к лесу, и к ночным поездкам. Она сама знала дорогу к сторожке не хуже хозяина и обычно шла по ней без понуканий.

Но теперь остановилась.

Савелий тронул её каблуком.

— Ну, чего стала?

Кобыла переступила с ноги на ногу, вытянула шею и тихо всхрапнула.

Старик поднял голову.

Ночь стояла необыкновенно тёплая. Такой она бывает в конце июня, когда земля даже после заката продолжает отдавать накопленное за день тепло. Воздух пах смолой, сырой травой и начинавшей цвести таволгой. Где-то далеко кричала ночная птица. Над верхушками сосен ещё сохранялась узкая полоска светлого северного неба.

Савелий прислушался.

Ничего.

— Почудилось тебе.

Он уже собирался снова тронуть поводья, когда между деревьями появился свет.

Совсем далеко.

Сначала Савелий решил, что это обычный фонарь.

Кто-нибудь из деревенских мог задержаться в лесу. Хотя делать здесь ночью было совершенно нечего. До Берестова отсюда добрых пять вёрст, дорога к станции проходила с другой стороны, а дальше начинался Чёрный лог — глубокая лесная низина, которую даже днём старались обходить.

Свет был голубоватым.

Слабым.

Он появился между двумя соснами, постоял несколько секунд и исчез.

Савелий прищурился.

Кобыла снова всхрапнула.

— Тихо.

Он положил ладонь ей на шею.

Огонь появился снова.

Теперь левее.

Савелий нахмурился.

Если человек шёл с фонарём, он должен был двигаться постепенно. Здесь же свет исчез возле одной сосны и почти сразу возник саженях в двадцати от неё.

Старик невольно перекрестился, хотя тут же рассердился на себя.

Пятьдесят лет прожил в этих местах. Тридцать с лишним ходил по лесам Вересовых. Знал здесь каждую просеку, каждый овраг, каждую заболоченную ложбину. Сколько историй наслушался за это время — про леших, утопленников, блуждающие огни, мёртвых охотников, которые будто бы ездят по ночам вдоль старых дорог.

Ни одного мертвеца так и не встретил.

Живых опасался куда больше.

Он уже хотел ехать дальше, когда рядом с первым огнём появился второй.

Савелий замер.

Оба огня горели теперь одновременно.

Один выше.

Другой почти у самой земли.

Кобыла попятилась.

— Стоять.

Савелий натянул поводья.

И тогда вспыхнул третий.

Три голубых огонька стояли среди чёрных деревьев, образуя неправильный треугольник.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом верхний огонь медленно двинулся вправо.

Два остальных погасли.

Савелий почувствовал, как по спине пробежал холодок, совершенно неуместный в этой тёплой июньской ночи.

Он снял с плеча старое ружьё.

Не взвёл курок.

Просто положил поперёк седла.

— Ну, давайте, — негромко сказал он. — Показывайтесь.

Лес не ответил. Свет снова исчез. Стало темно. И почти сразу Савелий услышал звук, которого ждал. Топот. Он был едва различим.

Старик наклонил голову.

Лошади. Не одна. По меньшей мере две. Может быть, три.

Они двигались где-то внизу, за Чёрным логом.

Савелий хорошо знал местность и потому удивился ещё больше.

Там не было дороги. Вернее, когда-то была.

Старая проезжая дорога шла от Берестова через лес к мельнице, потом пересекала низину и выходила к дальним хуторам. Но мельница стояла заброшенной уже лет пятнадцать, мост через ручей сгнил, а сама дорога заросла настолько, что даже лесорубы ею не пользовались.

Однако лошади шли именно там. Топот стал отчётливее. Потом оборвался.

Савелий ждал. Минуту. Другую. Ничего.

Кобыла перестала беспокоиться.

— Вот и мне интересно, — пробормотал старик.

Он направил её к краю просеки.

До Чёрного лога оставалось меньше версты.

Проще всего было повернуть домой и утром рассказать обо всём управляющему Аркадию Львовичу Сомову.

Именно так поступил бы разумный человек. Савелий Кузьмич разумным себя считал. Но ещё он был лесничим.

А если кто-то ночью ездил по хозяйскому лесу там, где ездить ему было не положено, Савелий предпочитал знать зачем.

Он направил кобылу вниз. Лес сразу изменился.

На просеке ещё держался слабый свет неба, здесь же стало почти совершенно темно. Сосны стояли близко друг к другу. Иногда ветви задевали Савелия по плечам.

Он ехал медленно.

Голубые огни больше не появлялись.

Минут через десять впереди показалась старая дорога.

То, что от неё осталось.

Две едва различимые колеи, заросшие травой.

Савелий остановился. Прислушался. Тишина. Он спешил. Земля здесь была мягкая после недавних дождей. Старик присел. Следы. Свежие. Через дорогу недавно прошли несколько лошадей.

Он провёл пальцами по глубокой отметине от подковы.

— Значит, не мертвецы.

Эта мысль почему-то не успокоила его.

Савелий поднялся и посмотрел в сторону Чёрного лога.

Отсюда старая дорога уходила вниз между соснами. Там было темно. Совершенно темно.

Он снова сел в седло. Ехать дальше не стал. Утром всё будет видно.

А если неизвестные появятся здесь следующей ночью, он подготовится получше.

Савелий повернул кобылу.

И тогда далеко позади вспыхнул один голубой огонь.

Старик резко обернулся.

Огонь горел там, где несколько минут назад он слышал лошадей.

Теперь Савелий увидел кое-что ещё.

На мгновение перед светом прошёл человек. Только силуэт. Высокий. В шляпе или фуражке.

Человек остановился.

Савелию показалось, что незнакомец смотрит прямо на него.

Расстояние между ними было слишком большим, чтобы видеть лицо.

Они стояли неподвижно. Старый лесничий на дороге. Неизвестный человек возле голубого огня. Потом свет погас.

Савелий выругался.

И поехал домой.

...

На рассвете он вернулся.

Теперь Чёрный лог выглядел совершенно иначе.

Солнце уже поднялось над лесом. В ветвях кричали птицы. На траве блестела роса. Где-то стучал дятел. Никакой мистики. Обычный лес.

Савелий привязал кобылу и прошёл к старой дороге.

Следы сохранились. Он насчитал четыре лошади. Все двигались со стороны мельницы.

Потом трое свернули на узкую тропу, ведущую к дальней просеке.

Четвёртый след продолжался прямо.

Савелий пошёл вдоль него. Через несколько десятков шагов остановился. Нахмурился.

Вернулся назад. Снова посмотрел. На влажной земле прекрасно отпечаталась подкова.

Старик присел. Потом перевёл взгляд на следующий след. Ещё один.

Он снял фуражку и почесал затылок. Что-то было неправильно.

Савелий всю жизнь имел дело с лошадьми.
Он мог по следу определить, быстро ли шёл конь, хромал ли, был ли недавно подкован.
Но такого прежде не встречал.
Следы словно спорили друг с другом.
По одним выходило, что лошадь шла к мельнице.
По другим — возвращалась от неё.
Савелий прошёл ещё несколько шагов. Остановился. Вернулся.
Теперь он уже не сомневался. Одна подкова была поставлена наоборот. Не случайно.
Слишком аккуратно.
Старик выпрямился.
Посмотрел в сторону Чёрного лога.
— Вот оно как...
Вчерашние огни сразу перестали казаться ему загадочными.
Куда интереснее стало другое.
Кому понадобилось, чтобы следы лошади рассказывали неправду?
Савелий ещё некоторое время стоял на дороге.
Потом медленно пошёл к своей кобыле.
Сегодня он собирался поговорить с Сомовым.
Не потому, что боялся голубых огней.
Теперь он их как раз не боялся.
Савелий Кузьмич прожил достаточно долго, чтобы усвоить одну простую вещь.
Если человек старается сделать что-нибудь похожим на чертовщину, значит, больше всего он боится, что кто-нибудь посмотрит на это при дневном свете.
Старик уже взялся за поводья, когда вдруг заметил на траве что-то блестящее.
Он наклонился. Маленький кусочек голубого стекла.
Савелий поднял его двумя пальцами. Поднёс к солнцу. Мир за стеклом стал холодным и синим.
Старик усмехнулся.
— Мертвецы, значит...
Он спрятал стекло в карман. И в этот момент где-то далеко, со стороны старой мельницы, хрустнула ветка.
Савелий мгновенно обернулся. Никого. Только лес. Он постоял ещё немного, всматриваясь между деревьями. Потом сел на лошадь и поехал в сторону Липового Ключа.
За его спиной Чёрный лог заливало утреннее солнце. Никаких огней больше не было.
Но далеко среди сосен, там, где начиналась старая дорога, кто-то дождался, пока лесничий исчезнет за поворотом.
И только тогда вышел из-за дерева.

ГЛАВА I

ЛЕТО БЕЗ ПРОИСШЕСТВИЙ

«Отдых — это редкое искусство ничего не делать и не испытывать при этом угрызений совести».

Из записок петербургского врача

В тот год лето пришло в Петербург слишком рано.
Уже в середине июня город раскалился так, словно кто-то накрыл его огромным стеклянным колпаком и забыл снять. Днём гранит набережных отдавал накопленное тепло, над

мостовыми висела белёсая пыль, лошади у извозчиков шли медленно, опустив головы, а редкий ветер с Невы приносил не прохладу, а запах нагретой воды, камня и пристаней.

Дмитрий Петрович Соболев терпеть не мог жару.

Холод позволял человеку защищаться. Можно было надеть тёплое пальто, поднять воротник, затопить печь, выпить горячего чаю и убедить себя, что всё не так плохо. Жара же не оставляла выбора. Она проникала под одежду, мешала думать и делала раздражительными даже тех людей, которые в другое время года казались вполне разумными.

Утром Соболев открыл окно своего кабинета и сразу закрыл.

С улицы вошёл горячий воздух.

— Нет, — сказал он.

На письменном столе лежала папка, которую следовало отнести в канцелярию ещё вчера, две газеты и разобранные карманные часы.

Часы занимали Соболева значительно больше папки.

Он сидел в одной рубашке, закатав рукава, и осторожно держал пинцетом крошечное колесо. Механизм был старый, швейцарский, с красивым мостом и почти стёртой гравировкой на внутренней крышке. Часы достались ему от отца и обладали неприятной привычкой останавливаться именно тогда, когда Соболеву особенно требовалось знать точное время.

В дверь постучали.

— Дмитрий Петрович?

— Войдите.

Появилась квартирная хозяйка Прасковья Фёдоровна с чайником.

Она остановилась возле стола.

— Опять часы?

— Они начали первыми.

— Вы их уже третий день чините.

— Следовательно, сопротивление серьёзное.

Прасковья Фёдоровна поставила чайник.

— А человек нормальный отнёс бы мастеру.

Соболев посмотрел на неё.

— И лишил бы себя удовольствия выяснить, почему они не идут?

— Нормальный человек хочет знать который час. А вы хотите знать, почему часы не хотят вам его показывать.

Соболев подумал.

— Возможно, поэтому я и не стал часовщиком.

— Слава Богу.

Она ушла.

Соболев вернулся к механизму.

Через несколько минут колесо встало на место. Он осторожно повернул заводную головку.

Часы затикали.

Дмитрий Петрович прислушался. Ровно.

Он закрыл крышку и положил часы на стол. Потом посмотрел на папку.

Затем Соболев вздохнул, надел жилет и потянулся за сюртуком.

На улице было ещё хуже.

К десяти часам Невский уже наполнился экипажами. Извозчики лениво перекликались, трамвай звякал, требуя дороги, прохожие старались держаться теневой стороны.

Соболев шёл неторопливо.

Ему было тридцать пять лет, хотя знакомые иногда давали больше. Не потому, что он выглядел старше, а из-за привычки внимательно слушать и редко торопиться с ответом. Люди почему-то считали такую манеру признаком возраста.

Сам Соболев с этим не соглашался.

Он вообще редко соглашался с выводами, сделанными без достаточных оснований.

В канцелярии было душно.

Швейцар у входа обмахивался газетой.

— Дмитрий Петрович, вас Николай Александрович спрашивали.

— Давно?

— С утра.

— Это тревожно.

— Почему?

— Когда начальство спрашивает человека после обеда, возможно, оно просто вспомнило о нём. Если с утра — скорее всего, придумало работу.

Швейцар усмехнулся.

— Так отпуск же у вас.

— Вот именно поэтому и тревожно.

Соболев поднялся на второй этаж.

В коридорах пахло бумагой, табаком и нагретым деревом. За открытыми дверями скрипели перья, кто-то диктовал письмо, кто-то спорил о номере циркуляра.

Николай Александрович Баратынцев сидел возле распахнутого окна и выглядел так, словно жара являлась личным оскорблением, нанесённым ему городскими властями.

— Наконец-то.

— Мне сказали, что вы меня искали.

— Искал вчера.

— Вчера меня здесь не было.

— Именно это и осложнило поиски.

Соболев положил папку на стол.

— Тогда сегодня поиски успешно завершены.

Баратынцев посмотрел на папку.

— Закончили?

— Вчера.

— Почему не принесли?

— Потому что вчера меня здесь не было.

Начальник помолчал.

— С вами тяжело разговаривать до обеда.

— После обеда легче?

— Нет. Но я меньше надеюсь.

Он раскрыл папку, быстро просмотрел несколько страниц и поставил её в сторону.

— Всё?

— Всё.

— Точно?

— Если вы сейчас достанете ещё одну папку, ответ может измениться.

Баратынцев откинулся в кресле.

— Соболев, уезжайте.

Дмитрий Петрович насторожился.

— Куда?

— Куда угодно.

— Это приказ?

- Совет.
- Тогда ещё подозрительнее.
- У вас отпуск с завтрашнего дня.
- Я помню.
- Так воспользуйтесь им.
- Именно это я собирался сделать.
- В прошлом году вы тоже собирались.
- Возникли обстоятельства.
- Труп.
- В частности.
- Баратынцев покачал головой.
- В позапрошлом году тоже был труп.
- Это уже выглядит как закономерность.
- Поэтому в нынешнем году я хочу её нарушить.

Соболев улыбнулся.

- Предлагаете мне место, где люди не умирают?
- Предлагаю вам не искать место, где они это делают.

Баратынцев достал сигару, но посмотрел на жару за окном и передумал.

- У вас есть куда ехать?
- Пока нет.
- Значит, через три дня снова будете здесь.
- Возможно.
- Вот именно.

Соболев уже собирался ответить, когда вспомнил о письме, которое лежало дома на письменном столе почти неделю.

Андрей Вересов.

Они познакомились несколько лет назад в Петербурге. Не настолько близко, чтобы постоянно видеться, но достаточно хорошо, чтобы время от времени ужинать вместе и не искать специального повода для письма.

Вересов приглашал его в Липовый Ключ.

«Если Петербург окончательно не убедил тебя, что человеческая жизнь предназначена для страданий, приезжай. Здесь есть лошади, река, лес и ни одного человека, которому было бы интересно, кто кого ограбил».

Последняя фраза тогда особенно понравилась Соболеву.

- Кажется, есть, — сказал он.
- Что?
- Место.

Баратынцев подозрительно посмотрел на него.

- Где?
- В Петербургской губернии.
- Далеко?
- Около семидесяти вёрст.
- Мало.
- Для чего?
- Для надёжности. Я предпочёл бы Урал.
- Там тоже случаются преступления.
- Тогда Сибирь.
- Там особенно.

Баратынцев махнул рукой.

— Езжайте куда хотите. Только месяц не появляйтесь у меня.

— Месяц?

— Хотя бы три недели.

— Николай Александрович, вы начинаете говорить вещи, которые могут быть истолкованы как служебная угроза.

— Именно так их и истолковывайте.

На этом разговор закончился.

К вечеру Соболев отправил Вересову телеграмму.

Ответ пришёл утром.

«НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙ. КОМНАТА ГОТОВА. ЛОШАДЬ НАЙДЁМ. РАБОТУ НЕ БЕРИ. АНДРЕЙ».

Соболев перечитал телеграмму дважды.

Последнее требование показалось ему несколько оскорбительным.

Тем не менее он решил подчиниться.

...

Через два дня, около девяти утра, Дмитрий Петрович стоял на платформе Николаевского вокзала.

Багажа оказалось немного. Кожаный чемодан. Небольшой саквояж. Пальто, которое он почти сразу пожалел, что взял. Две книги. Бритвенный прибор. Запасные рубашки. И старые часы. Револьвер он тоже взял.

Не потому, что ожидал неприятностей. Скорее по привычке.

Соболев даже подумал оставить его дома, но потом решил, что привычки существуют именно для того, чтобы избавлять человека от лишних размышлений.

Поезд тронулся. Петербург уходил медленно. Сначала склады. Заборы. Фабричные корпуса.

Редкие деревянные дома.

Потом строения стали появляться всё реже. Начались поля.

Соболев сидел у окна и неожиданно почувствовал облегчение.

В купе находились ещё трое.

Пожилый купец, который почти сразу заснул.

Дама с девочкой лет десяти.

И молодой человек в светлом костюме, читавший газету.

Никто не был убит. Никто ничего не украл. Никто не пытался солгать Соболеву. По крайней мере, пока.

Он достал книгу. Прочёл две страницы. Закрыл. За окном было значительно интереснее.

Поля тянулись до горизонта. Иногда появлялись деревни — несколько десятков изб, церковь, колодец, гуси возле дороги. Потом снова лес.

В городе Соболев почти забыл, сколько оттенков может иметь зелёный цвет.

Поезд остановился на маленькой станции около полудня.

Платформа была короткая, деревянная и совершенно пустая.

Соболев вышел.

Поезд почти сразу ушёл дальше. Несколько мгновений ещё слышался стук колёс. Потом исчез и он. Наступила тишина.

Соболев огляделся. Небольшое станционное здание. Водоканал. Склад. Две телеги.

Возле одной стоял широкоплечий мужчина в полотняной рубахе.

Увидев Соболева, он снял картуз.

— Дмитрий Петрович?

— Он самый.

— От Андрея Сергеевича. Егор.

— Очень приятно.
Егор взял чемодан.
— Нам далеко?
— Двенадцать вёрст это часа два.
— Почему так долго?
Егор посмотрел на лошадь.
— Можно быстрее...
Потом посмотрел на дорогу.
— Только не нужно.
Соболев согласился с этим рассуждением.
Они тронулись.
Первые несколько вёрст дорога шла через поля.
Жара здесь переносилась иначе, чем в Петербурге. Не было камня, пыли и душных дворов. Воздух двигался. Пахло сеном.
Соболев снял шляпу. Егор покосился на него.
— В городе, говорят, жарко.
— В городе всё делают основательно. Даже жару.
Егор подумал и кивнул.
— Это верно.
Через некоторое время показалась деревня.
— Берестово?
— Нет. Малые Пруды. Берестово дальше.
У дороги стояли ребятишки. Один поднял руку, приветствуя проезжающих.
Соболев ответил.
Дети засмеялись и побежали следом за экипажем, пока не отстали.
— Хорошие места, — сказал Соболев.
— Хорошие.
— Тихие?
Егор снова посмотрел на него.
— А чего им шуметь?
— Действительно.
Соболев устроился удобнее. Ему нравился Егор. Человек отвечал ровно столько, сколько требовал вопрос. Для Петербурга это было редким качеством.
За деревней дорога вошла в лес. Сразу стало прохладнее.
Высокие сосны пропускали солнечный свет длинными полосами. Колёса мягко шли по песку.
— Андрей Сергеевич дома?
— Дома.
— Гости есть?
— Есть.
— Много?
— Сейчас немного.
— А потом?
— Не знаю.
Соболев посмотрел на него. Егор невозмутимо правил лошадей.
— Вы умеете поддерживать разговор.
— Так вы спрашиваете.
— Кто гостит?
— Доктор бывает. Алексей Матвеевич. Господин Ладин приезжает. Землемер живёт.

— Землемер?

— Пётр Антонович. Гордин. У них с Аркадием Львовичем всё бумаги какие-то.

— Кто такой Аркадий Львович?

— Управляющий.

Егор сказал это без всякого выражения. Но Соболев заметил паузу.

— Вы его не любите?

Егор повернул голову.

— Кого?

— Управляющего.

— А чего мне его любить?

— Справедливо.

Егор несколько секунд молчал.

— Хозяин он хороший.

— Сомов?

— Нет. Андрей Сергеевич.

— А Сомов?

— Управляющий.

Соболев усмехнулся.

— Понятно.

Егор, кажется, тоже едва заметно улыбнулся.

Лес закончился неожиданно. Перед ними открылась широкая долина. Вдалеке блестела вода. Левее, среди деревьев, виднелись крыши деревни.

— Берестово, — сказал Егор.

Соболев посмотрел.

Деревня была больше предыдущей. Дома стояли вдоль широкой дороги, возле некоторых росли яблони. Над крышами поднималась небольшая церковная колокольня.

За Берестовом дорога снова раздваивалась.

Один путь уходил к деревне.

Другой — между полями.

— Нам туда?

— Туда.

Егор повернул.

Через несколько минут впереди показалась липовая аллея.

Соболев невольно выпрямился.

Аллея была старая, широкая, с огромными деревьями по обеим сторонам. В конце её белел двухэтажный дом.

— Липовый Ключ?

— Он.

Дом постепенно приближался. Белые стены. Тёмная крыша. Колонны перед верандой.

Слева виднелись хозяйственные постройки и конюшня. Справа спускался сад.

Соболев посмотрел на часы. Без четверти три. Они продолжали идти исправно.

— Вот видите, — тихо сказал он им. — Стоило уехать из Петербурга.

Егор покосился, но ничего не спросил.

До усадьбы оставалось меньше версты, когда из боковой дороги внезапно вылетела лошадь.

Егор резко натянул вожжи. Соболев схватился за край экипажа.

Всадница промчалась перед ними и остановила коня так резко, что тот поднял голову и ударил копытом по земле.

— Простите! — крикнула она.

Лошадь была вороная, высокая, явно породистая.

Женщина сидела в седле уверенно и легко.

На ней была светлая амазонка, шляпа держалась на тонкой ленте, несколько тёмных прядей выбились из-под неё.

Соболев ещё не успел ничего сказать, когда она посмотрела на него.

Глаза у неё были серые. Очень спокойные. И насмешливые.

— Вы, должно быть, в Липовый Ключ?

— Именно туда.

— Тогда вы едете правильно.

— Это обнадёживает.

Она посмотрела на Егора.

— Егор, почему так медленно?

— Дорога.

— С дорогой всё в порядке.

— Вот потому и не торопимся.

Всадница рассмеялась.

Соболев понял, что Егор разговаривает с ней без обычной почтительности, хотя и уважительно.

Значит, знакомы давно.

Она снова посмотрела на Соболева.

— Если хотите попасть к обеду, вам придётся его поторопить.

— Я пытался.

— И?

— Потерпел поражение.

— Быстро вы сдаётесь.

— Только в безнадёжных случаях.

В её глазах мелькнул интерес.

— Тогда вам не повезло. Егор действительно безнадёжен.

— Я уже начал подозревать.

Егор невозмутимо смотрел на дорогу.

— Елена Сергеевна, Андрей Сергеевич вас спрашивали.

Соболев перевёл взгляд на всадницу.

Она заметила это.

— Вот как, — сказала она. — Значит, меня разоблачили.

— Боюсь, Егор сделал это слишком рано.

— Вы разочарованы?

— Немного. Мне было интересно узнать, сколько ещё времени вы будете объяснять мне дорогу к собственному дому.

Елена улыбнулась.

— А вы, стало быть, Дмитрий Петрович Соболев.

— Боюсь, теперь разоблачили и меня.

Она окинула его быстрым взглядом.

— Я представляла вас иначе.

— Это хорошая новость или плохая?

— Пока не решила.

— Тогда я постараюсь не мешать расследованию.

Елена засмеялась.

— Андрей говорил, что вы следователь.

— Сегодня уже нет.

— Как это?

— Я в отпуске.

— Следователи умеют уходить в отпуск?

— Собираюсь провести опыт.

— И долго?

— Три недели.

— Без расследований?

— Это обязательное условие.

Она чуть наклонилась к нему.

— Тогда вам у нас понравится. Здесь никогда ничего не происходит.

Соболев посмотрел на неё.

Почему-то эта фраза прозвучала слишком торжественно.

— Именно на это я и рассчитываю.

— Значит, увидимся в доме.

Она тронула лошадь.

Ворона пошла сначала шагом, потом перешла на лёгкий галоп.

Соболев проводил всадницу взглядом. Егор молчал. Прошло секунд десять.

— Что? — спросил Соболев.

— Ничего.

— Вы очень выразительно ничего не говорите.

— Елена Сергеевна хорошая.

— Я ничего другого и не предполагал.

— Я и говорю.

Экипаж тронулся.

Соболев ещё раз посмотрел туда, где исчезла всадница.

Потом достал часы.

Без десяти три.

Он вдруг поймал себя на том, что улыбается.

Это ему не понравилось.

Поэтому часы он сразу спрятал.

...

Андрей Вересов встретил его на крыльце.

Он почти не изменился со времени их последней встречи: высокий, крепкий, с широкими плечами и привычкой говорить так, словно каждый собеседник являлся старым приятелем, даже если познакомились пять минут назад.

— Дмитрий!

Он спустился по ступеням.

— Я уже решил, что ты передумал.

— Я тоже.

— И?

— Не успел.

Они пожали руки. Андрей оглядел его.

— Ты выглядишь ужасно.

— Благодарю.

— Петербург?

— Жара.

— Здесь через неделю станешь человеком.

— Это довольно смелое обещание.

Андрей рассмеялся.

— Идём. Покажу комнату. Потом обед. Потом ничего.

— Что значит «ничего»?

— Именно ничего. Ты разучился?

— Возможно.

— Научу.

Они поднялись на веранду. Из дома пахло прохладой. Соболев вошёл.

Внутри было просторно, немного старомодно и очень спокойно. На стенах висели семейные портреты, на столике возле лестницы стояла ваза с полевыми цветами. Где-то наверху хлопнула дверь.

— Лена уже приехала? — спросил Андрей у проходившей горничной.

— Только что, Андрей Сергеевич.

— Познакомились?

— На дороге.

— Тогда соболезную.

— Кому?

— Пока не знаю.

Они поднялись на второй этаж.

Комната Соболева выходила окнами в сад.

Большая кровать. Письменный стол. Кресло. Умывальник.

На столе — графин с водой.

Соболев подошёл к окну.

Сад спускался к пруду. Дальше начинались поля, а за ними темнел лес.

— Вот там река, — Андрей указал левее. — Верхом минут двадцать. Купаться лучше утром. Лошади в конюшне. Выбирай любую, кроме вороной Лены.

— Почему?

— Потому что Лена убьёт тебя раньше, чем лошадь.

— Полезное предупреждение.

Андрей хлопнул его по плечу.

— Отдыхай. Обед через час.

Он уже дошёл до двери, когда Соболев спросил:

— Андрей.

— Что?

— Здесь действительно ничего не происходит?

Вересов рассмеялся.

— Совершенно ничего.

— Прекрасно.

— Единственная неприятность — по ночам какие-то дураки пугают мужиков огнями возле Чёрного лога.

Соболев повернулся.

— Какими огнями?

— Вот! — Андрей поднял палец. — Даже не начинай.

— Я только спросил.

— Именно с этого у тебя всё начинается.

— Андрей...

— Никаких огней. Никаких происшествий. Никаких расследований. Ты приехал отдыхать.

— Хорошо.

— Обещаешь?

Соболев подумал.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Другого не будет.

Андрей махнул рукой и вышел.

Соболев остался один.

За окном шелестели листья. Где-то возле конюшни заржала лошадь. Из сада донёлся женский смех.

Он подошёл к чемодану, достал книги и положил их на стол. Сверху — часы.

Они продолжали идти совершенно ровно.

Соболев расстегнул ворот рубашки, сел возле открытого окна и вытянул ноги.

Впервые за много месяцев ему действительно не нужно было куда идти.

Никто его не ждал. Никто не лгал. Никто не был мёртв.

Он закрыл глаза.

Где-то далеко, за полями, находился Чёрный лог.

Но сейчас Соболев о нём не думал.

Он думал о серых глазах женщины на вороной лошади.

И о трёх неделях, в течение которых совершенно ничего не должно было произойти.

ГЛАВА II

ВСАДНИЦА В БЕЛОМ

«Первое впечатление почти всегда ошибочно. Беда лишь в том, что иногда оно оказывается приятнее истины».

Из записной книжки неизвестного

К обеду Дмитрий Петрович спустился без пяти минут семь и обнаружил, что в Липовом Ключе время понимали значительно свободнее, чем в Петербурге.

Стол был накрыт.

Двери на веранду распахнуты.

В саду уже сгущались длинные вечерние тени.

Но хозяев не было.

Соболев остановился возле больших напольных часов и сравнил их показания со своими.

Без пяти семь.

Настенные показывали десять минут восьмого. Карманные — без пяти семь. Он поднёс часы к уху. Тикали исправно.

— Вы им не доверяете?

Соболев обернулся.

Елена стояла в дверях.

Белая амазонка исчезла. Теперь на ней было лёгкое светлое платье без излишних украшений. Тёмные волосы были собраны высоко, и Соболев впервые смог рассмотреть её лицо спокойно, не опасаясь, что экипаж в следующую секунду столкнётся с вороной лошадию.

Она была не той правильной красавицей, чья внешность одинаково хорошо смотрелась на портретах и за столом светского салона. В лице было слишком много движения. Даже когда Елена молчала, казалось, что она вот-вот улыбнётся или задаст неудобный вопрос.

Сейчас она явно собиралась сделать второе.

— Кому? — спросил Соболев.

— Часам.

— Напротив. Я не доверяю тем.

Он указал на напольные.

— Почему?

— Они утверждают, что уже четверть восьмого.

Елена посмотрела.

— Так и есть.

Соболев достал свои часы.

— Эти говорят обратное.

— И кому вы верите?

— Я их сам чинил.

— Тогда тем более не следует.

Соболев взглянул на неё.

— Вы всегда так быстро составляете мнение о людях?

— Только о мужчинах, которые разговаривают с часами.

— Я с ними не разговаривал.

— Егор сказал другое.

— Егор начинает меня беспокоить.

— Он всех беспокоит. Особенно тем, что почти всегда говорит правду.

Елена прошла к веранде.

Соболев последовал за ней.

— Так который час?

— Без пяти семь.

— Почему же наши показывают четверть восьмого?

— Вероятно, Липовый Ключ существует в собственном времени.

— Наконец вы начинаете понимать.

Она вышла на веранду.

На круглом столе стояли графин с холодным квасом, тарелка с земляникой и несколько бокалов.

Елена налила себе воды.

— Андрей никогда не приходит вовремя. Поэтому часы в столовой постепенно перевели вперёд. Сначала на пять минут. Потом на десять. Сейчас, кажется, на двадцать.

— Помогло?

— Нет. Андрей тоже постепенно приспособился.

— Значит, это гонка вооружений.

— Которую часы проигрывают.

Соболев рассмеялся.

Елена посмотрела на него чуть внимательнее.

— Вот теперь больше похоже.

— На что?

— На человека, который приехал отдыхать.

— А раньше?

— На человека, который собирается арестовать садовника.

— За что?

— Вы бы нашли.

— У меня отпуск.

— Вы уже второй раз это подчёркиваете.

— Чтобы самому не забыть.

Елена хотела что-то ответить, но из дома слышались голоса.

Первым появился Андрей.

— Уже познакомились как следует?

— Пока Дмитрий Петрович расследовал состояние наших часов, — сказала Елена.

— И?

— Они безнадёжны, — ответил Соболев.

— Тогда дело закрыто.

За Андреем вышел мужчина лет пятидесяти с небольшим.

Высокий, сухой, с тщательно расчёсанными назад седыми волосами. На нём был тёмный костюм, слишком официальный для летнего вечера в загородной усадьбе.

— Дмитрий, познакомься. Аркадий Львович Сомов, мой управляющий.

Сомов протянул руку.

— Наслышан, Дмитрий Петрович.

— Надеюсь, не слишком подробно.

— Достаточно, чтобы понимать: при вас лучше внимательно следить за словами.

— Обычно достаточно просто говорить правду.

На лице Сомова появилась вежливая улыбка.

— Это значительно труднее.

— Иногда.

Рукопожатие у него было сухим и коротким.

Соболев сразу отметил одну странность. Сомов посмотрел ему не в лицо. На руки.

Всего на мгновение. Потом перевёл взгляд. Ничего особенного.

Но Соболев заметил.

Он почти рассердился на себя.

Второй час отпуска, а он уже наблюдает за людьми.

— Аркадий Львович держит Липовый Ключ на плечах, — сказал Андрей.

— Андрей Сергеевич преувеличивает.

— Нисколько. Если завтра Сомов уедет, я через неделю обнаружу, что не знаю, кому принадлежит собственная корова.

— Через три дня, — уточнила Елена.

— Спасибо.

Сомов не улыбнулся.

— Для этого и существуют управляющие.

— А для чего существуют хозяева? — спросил Соболев.

— Чтобы иногда мешать управляющим.

Теперь Сомов всё-таки усмехнулся.

— Вижу, мы поймём друг друга.

С крыльца послышались шаги.

— А вот и остальные, — сказал Андрей.

Первым вошёл мужчина в светлом летнем сюртуке, крепкий, широкоплечий, с коротко подстриженными усами.

Он двигался с той уверенностью, которую Соболев часто замечал у бывших военных: человек давно не носил форму, но тело всё ещё помнило её.

— Виктор Павлович Ладин, сосед и главный источник наших неприятностей.

— Неправда, — ответил тот. — Я только пользуюсь теми, которые вы создаёте сами.

Они пожали руки.

— Служили? — спросил Соболев.

Ладин взглянул на него с интересом.

— Кавалерия. Как догадались?

— Вы посмотрели сначала на меня, потом на мои сапоги.

Ладин рассмеялся.

— А вы действительно опасный человек.

— Только до обеда.

— Сейчас уже вечер.

— Значит, можете не беспокоиться.

Следом появился доктор Белозёров.

Он был полной противоположностью Ладина: невысокий, худощавый, немного сутулый, с внимательными тёмными глазами.

— Алексей Матвеевич Белозёров.

Доктор пожал Соболеву руку.

— Наконец увидел человека, которым Андрей Сергеевич пугает всю губернию.

— Я никого не пугаю, — возмутился Вересов.

— Вчера вы сказали Сомову: «Вот придет Соболев и наведёт порядок».

Сомов медленно повернул голову.

— Андрей Сергеевич любит преувеличения.

— А какой порядок я должен навести? — спросил Соболев.

На секунду возникла пауза. Совсем короткая.

Андрей первым рассмеялся.

— Никакой. Это я говорил о карточной игре. Сомов утверждает, что я неправильно считаю вист.

— Вы действительно неправильно считаете, — сказал управляющий.

— Вот видишь?

Соболев кивнул.

— Тогда боюсь, я бесполезен. В карты я играю хуже, чем расследую убийства.

Елена подняла бровь.

— Вы всё-таки произнесли это слово.

— Какое?

— «Убийства».

— В прошедшем профессиональном смысле.

— У вас даже профессиональный смысл звучит подозрительно.

Последним появился Гордин.

Соболев почти сразу понял, почему Егор назвал его просто землемером.

Пётр Антонович обладал редким даром выглядеть незаметно.

Среднего роста. Среднего сложения. Русые волосы. Светлые усы. Серый костюм.

Даже голос был негромкий и ровный.

— Очень рад знакомству, Дмитрий Петрович.

— Взаимно.

— Пётр Антонович у нас временно, — объяснил Андрей. — Проверяет границы владений.

— Уже третий месяц, — сухо сказал Сомов.

Гордин посмотрел на него.

— Земля имеет неприятное свойство не совпадать с бумагами.

— Бумаги имеют ещё более неприятное свойство быть составленными людьми, которые не умеют измерять землю.

— Господа, — вмешался Андрей, — только не сегодня.

Соболев посмотрел сначала на одного, потом на другого.

Елена заметила.

— Дмитрий Петрович.

— Что?

— Вы опять.

— Что именно?

- Смотрите.
- Я всегда смотрю.
- Нет. Сейчас вы смотрите по-другому.
- Каким образом?
- словно кто-то уже совершил преступление, просто ещё не знает об этом.
- Соболев улыбнулся.
- Хорошо. Больше не буду.
- Не верю.
- Ну и правильно.

...

Обед затянулся.

Соболев ожидал, что разговор будет вращаться вокруг Петербурга, политики или его службы, но Липовый Ключ быстро заставил столицу исчезнуть.

Говорили об урожае.

О лошадях.

О том, что в соседнем имении заболели две коровы.

О предстоящей ярмарке в Берестове.

О реке, которая весной снова подмыла старый мост.

Андрей рассказывал историю о том, как прошлым летом пытался самостоятельно починить крышу амбара и едва не провалился внутрь.

— Не провалился, — уточнила Елена. — Тебя сняли.

— Это подробность.

— Тебя снимали лестницей.

— Тем более.

Ладин смеялся громче всех.

Сомов почти не участвовал в разговоре.

Он ел мало. Вина почти не пил.

Дважды Соболев замечал, как управляющий едва заметно прижимает ладонь к боку.

Белозёров тоже это видел. И один раз их взгляды встретились.

Доктор слегка покачал головой. Не сейчас.

Соболев понял жест и сразу отвернулся.

Потом снова разозлился на себя.

Он не должен был ничего понимать.

У него отпуск.

— Дмитрий Петрович, — сказала Елена.

— Да?

— Вы опять ушли.

— Куда?

— Не знаю. Но явно не за этим столом.

— Задумался.

— О чём?

— О том, что завтра собираюсь ничего не делать.

— Это сложный план?

— Чрезвычайно.

— И с чего начнёте?

— Встану поздно.

— Во сколько?

— В девять.

За столом засмеялись.

Соболев посмотрел на них.

— Что?

— В деревне девять — почти полдень, — объяснил Ладин.

— Тогда в десять.

— Это уже неприлично, — сказал Белозёров.

— Прекрасно. Начну отпуск с нравственного падения.

Елена улыбнулась.

— А потом?

— Завтрак.

— После полудня?

— Именно.

— А дальше?

— Почитаю.

— В комнате?

— Возможно, в саду.

— Нет.

Соболев посмотрел на неё.

— Что значит «нет»?

— Завтра утром мы едем к реке.

— Кто это «мы»?

— Вы и я.

— Почему?

— Потому что Андрей сказал, что вы хорошо ездите верхом.

Соболев посмотрел на хозяина.

— Андрей говорит слишком много.

— Я только правду, — сказал тот.

— Это не оправдание.

— Так вы едете? — спросила Елена.

— Во сколько?

— В семь.

— Утра?

— Других семи в Липовом Ключе не бывает.

— Сегодня я видел вечерние.

— Это было исключение.

Соболев сделал вид, что размышляет.

— В половине восьмого.

— В семь.

— Четверть восьмого.

— В семь.

— Вы плохо торгуетесь.

— Потому что мне незачем.

— Хорошо. В семь.

Елена удовлетворённо кивнула.

— Вот видите. Отдыхать совсем не трудно.

— Пока я этого не заметил.

Андрей посмотрел на сестру, потом на Соболева и улыбнулся.

Слишком выразительно.

Соболев предпочёл этого не заметить.

После жаркого подали землянику со сливками.

Разговор стал ленивее.

Солнце опускалось за деревья.

Через открытые окна тянуло вечерней прохладой.

И именно тогда впервые возник Чёрный лог. Не как загадка. Пока только как название.

Ладин рассказывал о жеребце, которого недавно купил в Псковской губернии.

— Великолепная лошадь. Только дьявола боится.

— Вы уже познакомили их? — спросил Соболев.

— Почти. Позавчера повёл через лес возле Чёрного лога. Как увидел огни — едва меня не сбросил.

Елена перестала есть землянику.

— Опять?

— Три штуки.

Андрей махнул рукой.

— Началось.

— Что началось? — спросил Соболев.

— Местное сумасшествие.

— Голубые огни? — напомнил он вчерашний разговор.

— Они самые.

Ладин откинулся на спинку стула.

— Между прочим, я видел их собственными глазами.

— Где?

Елена тихо рассмеялась.

Соболев посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Просто вы очень быстро забыли, что находитесь в отпуске.

— Я поддерживаю разговор.

— Разумеется.

Ладин продолжил:

— Возле старой дороги. Там есть низина, её и называют Чёрным логом. Место неприятное даже днём.

— Почему?

— Болото, овраги, старый лес. Раньше там дорога проходила к мельнице.

— А теперь?

— Почти заросла, — ответил Гордин.

Сомов впервые за несколько минут поднял голову.

— Не почти. Заросла.

Гордин посмотрел на него.

— Я проходил там неделю назад.

— Пешком.

— Какая разница?

— Большая. Верхом там не пройти.

— Пройти можно.

Сомов положил вилку.

— Пётр Антонович, я управляю этими землями двадцать лет.

— А я их измеряю.

Снова возникла та же едва заметная напряжённость.

Андрей вздохнул.

— Господа, если вы снова начнёте спорить о межевых столбах, я велю принести ещё вина.

— Это угроза? — спросил Белозёров.

— Обещание.
Соболев повернулся к Ладину.
— Что делали огни?
— Ничего. Горели.
— На месте?
— Один двигался.
— Как далеко?
— Не знаю. Было темно.
— Фонари?
— Возможно.
— Людей видели?
— Нет.
— Следы?
Елена положила ложку.
— Дмитрий Петрович.
Он остановился.
— Да?
— Ещё два вопроса — и придётся составлять протокол.
Соболев рассмеялся.
— Хорошо. Сдаюсь.
— Наконец-то.
Но Ладин вдруг сказал:
— А Савелий утверждает, что видел следы.
Соболев уже ничего не спрашивал. Только посмотрел.
Этого оказалось достаточно.
— Старый лесничий, — объяснил Андрей. — Савелий Кузьмич. Сорок лет знает эти леса.
— И что он говорит?
Елена театрально вздохнула.
— Один вопрос.
— Последний.
— Вы говорили это три вопроса назад.
Ладин улыбнулся.
— Савелий говорит, что по старой дороге ночью ходят лошади.
— Вот и вся тайна, — сказал Андрей. — Кто-то ездит с фонарями. Мужики увидели, придумали чертовщину. Через месяц окажется, что это рыбаки или лесорубы.
— Лесорубам ночью нечего делать в Чёрном логоу, — заметил Сомов.
Все посмотрели на него.
Управляющий словно понял, что сказал слишком резко.
— Там плохой лес, — добавил он. — И дороги нет.
— Пётр Антонович утверждает обратное, — сказал Соболев.
Сомов посмотрел на него.
— Пётр Антонович много чего утверждает.
Гордин промолчал.
В этот момент Белозёров поднялся.
— Мне пора.
— Оставайтесь на карты, — предложил Андрей.
— Завтра рано ехать к больному.
Он подошёл к Сомову.

— Аркадий Львович.

Тот поднял голову.

— Что?

— Не забудьте.

Сомов едва заметно поморщился.

— Не забуду.

Соболев снова заметил этот обмен.

И снова заставил себя не думать.

...

После обеда Андрей действительно предложил карты.

Соболев отказался.

— Я обещал себе ранний сон.

— В отпуске?

— Завтра меня поднимают в семь.

Андрей посмотрел на сестру.

— Уже?

— Что «уже»? — спросила Елена.

— Ничего.

— Андрей.

— Я молчу.

— Вот и продолжай.

Соболев вышел в сад.

Сумерки в этих местах наступали медленно. Небо ещё оставалось светлым, хотя под деревьями уже лежали густые тени.

Он пошёл по липовой аллее. После Петербурга тишина казалась почти физической.

Не было стука колёс. Голосов с улицы. Трамвайного звона. Только птицы и редкий шелест листьев.

Соболев дошёл до конца аллеи. Отсюда открывался вид на поля. За ними темнела полоса леса. Где-то там находился Чёрный лог.

Он остановился. Ничего необычного. Просто лес.

— Ищите огни?

Елена подошла так тихо, что Соболев не услышал.

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Хотела поймать вас на месте преступления.

— Я просто гуляю.

— Конечно.

Она остановилась рядом. Несколько секунд оба молчали.

— Красиво, — сказал Соболев.

— Здесь?

— Здесь.

— Андрей говорил, что вы любите Петербург.

— Люблю.

— Тогда почему смотрите на него так, словно рады, что уехали?

Соболев повернулся к ней.

— Потому что иногда полезно уехать от того, что любишь.

— Зачем?

Он подумал.

- Чтобы убедиться, что действительно любишь.
Елена посмотрела на него внимательнее.
- Вы всегда отвечаете так?
- Как?
- Сначала кажется, что просто. А потом приходится думать.
- Профессиональный недостаток.
- Вы опять о работе.
- Это вы спросили.
- Она улыбнулась.
- В саду стало темнее. Где-то возле конюшни заржала лошадь.
- Вы действительно хорошо ездите? — спросила Елена.
- Когда-то ездил.
- Когда?
- В университете.
- Это было давно.
- Спасибо.
- Я просто уточняю.
- Завтра увидите.
- В семь.
- Я помню.
- Не опаздывайте.
- У меня точные часы.
- Те самые, которые вы чините сами?
- Теперь я начинаю подозревать, что Егор рассказал вам слишком много.
- Егор рассказал только про часы.
- Остальное?
- Остальное я выясню сама.
- Соболев посмотрел на неё.
- Это звучит угрожающе.
- А вы боитесь?
- Пока нет.
- Значит, у меня есть время.
- Она повернулась к дому. Соболев неожиданно спросил:
- Елена Сергеевна.
- Она остановилась.
- Да?
- Вы верите в эти огни?
- Улыбка исчезла.
- Елена посмотрела на далёкий лес.
- Нет.
- Ответ прозвучал слишком быстро. Соболев заметил это.
- Но?
- Никакого «но».
- Оно было.
- Вы опять следователь.
- Простите.
- Она немного помолчала.
- Я не верю в мертвецов, которые ходят по лесу с фонарями, если вы об этом.
- Уже хорошо.

— Но несколько ночей назад я сама видела огни.

— Отсюда?

— Нет.

Соболев повернулся к ней.

— А где?

Елена поняла, что сказала больше, чем собиралась.

— Завтра, Дмитрий Петрович.

— Что завтра?

— Вы обещали не расследовать.

— Я просто спросил.

— Именно с этого, как говорит Андрей, у вас всё и начинается.

Она пошла к дому. Соболев остался. Ему очень хотелось окликнуть её. Спросить, где именно она видела огни. Одна ли была. Сколько их было. Двигались ли они.

Вместо этого он сунул руки в карманы и посмотрел на лес.

— Отпуск, — напомнил он себе.

Лес оставался тёмным.

Никаких огней.

Через несколько минут Соболев вернулся в дом.

...

Он лёг около одиннадцати. Окно оставил открытым. Из сада тянуло прохладой.

Соболев положил часы на тумбочку и погасил лампу. Дом постепенно затих.

Где-то внизу ещё разговаривали. Потом хлопнула дверь. Скрипнули ступени. Всё стихло.

Соболев закрыл глаза.

И почти сразу услышал копыта. Он открыл глаза. Тихий ритмичный стук доносился со стороны конюшни. Одна лошадь.

Соболев сел. Копыта стали тише. Кто-то выезжал из усадьбы.

Он подошёл к окну. Сад был почти чёрным. За деревьями виднелась часть дороги.

Сначала ничего. Потом между липами мелькнул всадник. Или всадница. Слишком далеко.

Соболев видел только тёмный силуэт на лошади.

Человек выехал из усадьбы и направился не к Берестову. В другую сторону. К лесу.

Соболев посмотрел на часы.

Без четверти двенадцать.

Он постоял у окна. Потом медленно вернулся к кровати. Его это не касалось.

В усадьбе могли ездить куда угодно.

Люди вообще имели право делать вещи, не требующие объяснения Дмитрию Петровичу Соболеву.

Это была новая и непривычная мысль. Он лёг. Прошло несколько минут.

Соболев снова сел.

— Нет.

Он подошёл к окну.

Дорога была пуста.

Далеко за полями лежал лес. И тогда там появился свет. Маленький. Голубоватый.

Соболев замер.

Огонёк горел несколько секунд. Погас. Чуть правее появился второй. Потом третий.

Три голубые точки стояли над тёмной полосой леса.

Соболев смотрел на них. Очень долго.

Потом нащупал на тумбочке часы. Без десяти двенадцать.

Когда он снова поднял глаза, огней уже не было.

Дмитрий Петрович закрыл окно. Вернулся к кровати. Лёг.

И впервые за этот день подумал, что три недели без происшествий, возможно, были слишком смелым планом.

ГЛАВА III ЛИПОВЫЙ КЛЮЧ

«Иногда самые опасные дороги начинаются с прогулки, на которую человек согласился из вежливости».

Из записок неизвестного путешественника

В семь часов утра Соболев уже стоял у конюшни.

Это обстоятельство раздражало его сразу по двум причинам.

Во-первых, он собирался провести отпуск иначе.

Во-вторых, Елены не было.

Дмитрий Петрович посмотрел на часы.

Без двух минут семь.

Он спрятал их и решил, что до семи всё ещё считается человеком свободным.

Перед конюшней было тихо. Над травой держалась лёгкая дымка, воздух пах сеном и влажной землёй. Ночная прохлада ещё не успела исчезнуть, и Соболев впервые за многие дни почувствовал, что можно дышать без раздражения.

Из раскрытых ворот показался Егор.

Он нёс седло.

Увидев Соболева, остановился.

— Рано.

— Мне сказали в семь.

— Елена Сергеевна всегда так говорит.

— А приезжает?

Егор подумал.

— По-разному.

— Прекрасно.

Он снова скрылся в конюшне. Соболев последовал за ним.

Внутри пахло лошадьми, кожей и свежей соломой. В стойлах переступали несколько лошадей. Одна повернула голову и внимательно посмотрела на вошедшего.

— Вам Андрей Сергеевич Серого велели дать, — сказал Егор.

— Как зовут?

— Серый.

Соболев посмотрел на него.

— Вы уверены?

— Так зовут.

— Очень изобретательно.

— Он серый.

— Это многое объясняет.

Егор вывел крупного мерина.

Соболев провёл ладонью по шее. Лошадь была спокойная, крепкая, хорошо ухоженная.

— Давно не ездили? — спросил Егор.

— Несколько лет.

— Тогда не спешите.

— Елена Сергеевна тоже это советует?

— Нет.

— Я так и думал.

Из глубины конюшни послышался женский голос:

— Потому что Елена Сергеевна считает, что человек сам должен понимать, когда ему не следует спешить.

Соболев обернулся.

Елена появилась из соседнего прохода уже в амазонке. Сегодня платье было тёмным, почти синим, а на голове маленькая шляпа.

Она держала за повод вороную кобылу.

— Вы опоздали, — сказал Соболев.

— На сколько?

Он достал часы.

— На три минуты.

— Значит, вы всё-таки разговариваете с ними.

— Я консультируюсь.

— И что говорят?

— Что доверять вам нельзя.

Елена улыбнулась.

— Хорошее начало.

Она легко села в седло.

Соболев последовал её примеру.

Первые секунды тело неприятно напомнило ему, что несколько лет — это всё-таки несколько лет.

Елена заметила. Разумеется.

— Всё в порядке?

— Совершенно.

— Вы сказали это голосом человека, у которого ничего не в порядке.

— Просто проверяю седло.

— Оно проверено.

— Тогда проверяю себя.

— И?

Соболев тронул Серого. Мерин послушно пошёл вперёд.

— Предварительно годен.

Елена рассмеялась и направила кобылу к аллее.

Они выехали из усадьбы.

Утро было совершенно прозрачным. Над полями уже поднималось солнце, но жара ещё не пришла. Вдали блестела река, а за ней тянулась тёмная полоса леса.

Елена ехала немного впереди.

Соболев смотрел на неё и неожиданно поймал себя на том, что поездка начинает ему нравиться. Не лошадь. Не лес. Не утро.

Впрочем, он решил не уточнять.

Через несколько минут Елена повернулась.

— Вы молчите.

— Наслаждаюсь отпуском.

— Молчание — и есть ваш отдых?

— Иногда.

— А я думала, вы начнёте задавать вопросы.

— Какие?

— Например, кто выезжал ночью.

Соболев посмотрел на неё.

Она смотрела прямо перед собой.

— Вы знаете, что я видел?

— Я слышала лошадь.

— И?

— И решила, что вы тоже слышали.

— Это были вы?

Елена повернула голову.

— А вы всё-таки спросили.

— Это не вопрос.

— Есть разница?

— При вопросе я обычно знаю больше, чем человек напротив.

— А сейчас?

— Сейчас почти ничего.

— Тогда вам, наверное, очень неприятно.

— Непривычно.

Елена снова посмотрела вперёд.

— Нет, это была не я.

Соболев помолчал.

— Удовлетворены? — спросила она.

— Частично.

— Следующий вопрос?

— Пока нет.

— Почему?

— Я обещал отдыхать.

— Очень благородно.

— Не издевайтесь. Мне и так трудно.

Они свернули с дороги на широкую луговую тропу.

Лошадь Елены сразу прибавила шаг.

— До реки кто первый?

Соболев даже не успел ответить. Вороная сорвалась в галоп.

— Это нечестно! — крикнул он.

Елена обернулась через плечо.

— Почему?

— Вы начали раньше!

— Следователь должен быть внимательнее!

Соболев прищипорил Серого.

Мерин оказался далеко не таким ленивым, каким выглядел во дворе.

Ветер ударил в лицо. Поле понеслось навстречу.

Соболев несколько секунд вспоминал старое ощущение — движение лошади под собой, необходимость не бороться с ней, а идти вместе.

Потом тело вспомнило само. Серый прибавил. Расстояние между ними начало сокращаться.

Елена оглянулась.

— А вы говорили, давно не ездили!

— Я много чего говорю!

— Это я уже заметила!

Впереди показался спуск к реке.

Елена первой достигла старой ивы и остановила кобылу.

Соболев подъехал через несколько секунд.

— Я выиграла.

— Вы начали раньше.

— Это оправдание?

— Это факт.

— Значит, проигрывать вы не умеете.

— Очень хорошо умею.

— Не похоже.

Соболев спешился.

— Просто редко тренируюсь.

Елена тоже соскочила на землю.

— Теперь верю.

Они привязали лошадей в тени.

Река здесь была неширокой, с песчаным берегом и медленным течением. На другой стороне поднимались поля, дальше начинался лес.

Возле воды лежали два больших плоских камня.

Елена села на один.

— Андрей говорил, что вы несколько лет жили почти одной службой.

— Андрей преувеличивает.

— Вчера вы сказали то же самое про него.

— Это не делает утверждение менее верным.

— Значит, у вас была жизнь и кроме службы?

— Иногда.

— Какая?

Соболев посмотрел на реку.

— Театр. Книги. Друзья. Прогулки.

— И женщины?

Он повернулся.

Елена смотрела совершенно спокойно.

— Это обязательный пункт деревенского допроса?

— Вы сами сказали, что это не допрос.

— Тогда я могу не отвечать.

— Можете.

— Хорошо.

Она улыбнулась.

— Значит, были.

— Я ничего не сказал.

— Именно.

Соболев сел рядом.

— Теперь понимаю, почему Андрей предупреждал.

— О чём?

— Не помню. Но наверняка о вас.

— Он сам вас сюда пригласил.

— Вероятно, не всё предусмотрел.

Елена опустила ладонь в воду. Несколько секунд они молчали.

Соболев вдруг почувствовал, насколько здесь действительно тихо.

Не мёртвая тишина кабинета. Не напряжённая тишина комнаты, где кто-то скрывает правду.

Обычная. Утренняя. Летняя.

— Вам хорошо здесь? — спросил он.

Елена не сразу ответила.

— Почти всегда.

— Почему «почти»?

— Потому что иногда кажется, что жизнь проходит где-то в другом месте.

— В Петербурге?

— Может быть. В Париже. В Москве. Где угодно.

— Вы жили за границей?

— Два года. С тёткой.

— Понравилось?

— Сначала очень. Потом я начала скучать по этому.

Она обвела рукой реку, поле, лес.

— А когда вернулась, через полгода опять захотелось уехать.

— Человеку трудно угодить.

— Вам тоже?

Соболев усмехнулся.

— Особенно мне.

— Поэтому вы стали следователем?

— Нет.

— Почему тогда?

Он немного помолчал.

— Наверное, мне всегда не нравилось, когда вещи не сходились.

— Какие вещи?

— Люди говорят одно, делают другое. На столе лежит предмет, которого там не должно быть. В показаниях отсутствует пять минут. Человек утверждает, что никого не видел, но знает, во что тот был одет.

Елена смотрела на него внимательно.

— Вы сейчас совсем другой.

— В каком смысле?

— Вчера всё время шутили.

— Это защитный механизм.

— От чего?

— От вашего брата.

Она рассмеялась.

— Нет. Сейчас вы говорите о том, что действительно любите.

Соболев хотел возразить. Но не стал.

— Возможно.

— И всё-таки вы приехали отдыхать.

— Именно потому и приехал.

— Устали?

Он перевёл взгляд на воду.

— Да.

Ответ получился проще, чем он ожидал.

Елена не стала расспрашивать.

И Соболев неожиданно оценил это гораздо больше, чем если бы она проявила участие.

Вместо этого она поднялась.

— Тогда купаться.

— Что?

— Вы обещали отдыхать.

— Я ничего не обещал насчёт купания.

— Значит, теперь обещаете.

Она пошла к небольшому деревянному мостку.

Соболев посмотрел ей вслед.

— Елена Сергеевна.

Она обернулась.

— Да?

— Вы всегда распоряжаетесь чужим отпуском?

— Только когда вижу, что человек сам с ним не справляется.

Через десять минут Соболев понял, что спорить было бессмысленно.

Вода оказалась холоднее, чем он ожидал.

Елена, напротив, вошла в неё так спокойно, будто июньская река была прогрета до августа.

— Холодная, — сказал Соболев.

— Петербург вас испортил.

— В Петербурге люди сначала проверяют воду.

— Вот поэтому там всё происходит медленнее.

— Уверен, статистика утверждает обратное.

Она плеснула в него водой.

Соболев замер.

— Это было необдуманно.

— Почему?

Он не ответил. Через минуту разговор закончился окончательно.

Когда они выбрались на берег, Елена смеялась так, что едва могла завязать волосы.

Соболев сел на траву.

— Если Андрей спросит, я скажу, что меня заманили сюда обманом.

— Андрей обрадуется.

— Почему?

— Он был уверен, что вы проведёте весь отпуск с книгой.

— Я тоже был уверен.

Елена вдруг стала серьёзнее.

— Вчера вы видели три огня?

Соболев посмотрел на неё.

— Видел.

— Сколько времени?

— Несколько секунд. Один, потом ещё два.

— Они двигались?

— Второй появился правее первого. Не уверен, что двигался именно огонь.

— Я видела почти так же.

— Когда?

Она провела пальцами по траве.

— Три ночи назад.

— Где вы были?

Елена усмехнулась.

— Вот теперь началось.

— Вы сами подняли тему.

— Хорошо. Я возвращалась верхом.

— Откуда?

Она посмотрела на него.
— Дмитрий Петрович.
Он поднял руки.
— Молчу.
— Не верю.
— Но стараюсь.
— Я возвращалась со стороны старой дороги. Увидела свет между деревьями. Потом второй.
— Третий?
— Третий позже.
— Людей?
— Нет.
— Лошадей слышали?
Елена улыбнулась.
— Вот и допрос.
— Последний вопрос.
— Да.
Соболев перестал улыбаться.
— Сколько?
— Не знаю. Две или три. Может быть, больше.
— Почему вы никому не сказали?
— Сказала Андрею.
— И?
— Он решил, что это кто-то из местных.
— А вы?
Елена помолчала.
— Я тоже так решила.
— Но?
Она посмотрела прямо на него.
— Один огонь появился там, где человек с фонарём пройти не мог.
— Почему?
— Там болото.
Соболев нахмурился.
— Может быть, вы ошиблись расстоянием.
— Может быть.
— Или дорога проходит иначе.
— Я знаю тот лес лучше вас.
— В этом пока не сомневаюсь.
— «Пока»?
— Профессиональная привычка.
Елена покачала головой.
— Вы неисправимы.
— Это говорят люди, которым нечего скрывать.
Она рассмеялась.
— Значит, я теперь подозрительная?
— Пока только слишком хорошо знаете лес.
— Страшное преступление.
Соболев поднялся.
— Поедем обратно?

— Уже устали?
— Я хочу позавтракать.
— Наконец-то разумный мотив.

...

На обратном пути Елена выбрала другую дорогу. Она шла ближе к лесу. Соболев сначала ничего не спросил. Потом заметил старый деревянный указатель. Надпись почти стёрлась. На одной доске ещё можно было разобрать: «Берестово». Другая указывала в сторону леса.

— Что там?
— Старая мельница.
— Та самая?
— Та самая.
— Чёрный лог тоже туда?
— Дальше.

Соболев посмотрел на тропу. Она была узкая, но явно использовалась.
— Андрей говорил, дорога заросла.
— Эта не та дорога.
— А какая?
— Объездная. Старая начинается дальше.
— Вы можете показать?

Елена повернула голову.
— Нет.
— Почему?
— Потому что сегодня мы отдыхаем.
— Это жестоко.
— Зато полезно.

Они поехали дальше.

Минут через пятнадцать из-за поворота появился старик на гнедой кобыле.

Соболев сразу узнал тип человека, который всю жизнь прожил на открытом воздухе: тёмное лицо, густые седые брови, потрёпанная фуражка, старое ружьё за спиной.

Елена остановилась.

— Савелий Кузьмич!

Старик снял фуражку.

— Елена Сергеевна.

Потом посмотрел на Соболева. Внимательно. Без робости.

— Дмитрий Петрович Соболев, — представила Елена. — Гость Андрея.

— Знаю.

Соболев поднял бровь.

— Уже?
— У нас новости быстро ходят.
— Опасное место.

Старик усмехнулся.

— Для тех, кто новости боится.

Елена указала на ружьё.

— Опять в дальний лес?

— Был.

— Огни искали?

Савелий посмотрел на неё.

— А вы откуда знаете?

— Видела.

Старик перестал улыбаться.

— Когда?

— Три ночи назад.

— Где?

— Возле старой дороги.

Савелий нахмурился.

— Одна ездили?

— Это имеет значение?

— Ночью там сейчас лучше одной не ездить.

Соболев заметил перемену в его голосе.

— Почему?

Савелий посмотрел на него.

— Потому что дорога плохая.

— Только поэтому?

Елена тихо вздохнула.

— Дмитрий Петрович.

— Что?

— Отпуск.

Савелий снова усмехнулся.

— Следователь?

Соболев посмотрел на Елену.

— Видите? Новости.

— Андрей Сергеевич говорил, — пояснил старик. — Из столицы гость будет. Большой сыщик.

— Андрей Сергеевич склонен к преувеличениям.

— Может, и так.

Савелий посмотрел в сторону леса.

— Только огни всё равно есть.

— Вы тоже видели?

— Видел.

— И что думаете?

Старик снял фуражку, вытер лоб.

— Думаю, фонари.

— Почему?

— Потому что мёртвые лошадей не подковывают.

Соболев замер.

— А при чём здесь подковы?

Савелий посмотрел на него чуть дольше. Потом пожал плечами.

— Следы видел.

— Где?

— На старой дороге.

— Свежие?

— Свежие.

— Сколько лошадей?

Елена уже не вмешивалась.

Савелий чуть улыбнулся.

— А вы точно отдыхать приехали?

— До этой минуты был уверен.
— Четыре.
— Когда?
— После той ночи.
— В какую сторону?
Старик помолчал.
— Вот это как раз интересно.
Соболев ждал.
— А что интересно? — спросила Елена.
Савелий поправил ружьё.
— Потом скажу.
— Почему потом?
— Сначала Аркадию Львовичу покажу.
Соболев нахмурился.
— Сомову?
— Ему.
— Что покажете?
— Да так. След один.
— Какой?
Савелий снова посмотрел на него.
— След как след. Только неправильный.
Соболев почувствовал знакомое движение мысли. Неправильный след. Он почти уже открыл рот. И остановился. Отпуск. Действительно.
Он заставил себя улыбнуться.
— Хорошо. Потом.
Савелий явно удивился.
— И всё?
— Всё.
— А говорили, сыщик.
— Сегодня утром у него выходной, — сказала Елена.
— Вот оно что.
Старик усмехнулся.
— Тогда не буду мешать.
Он тронул кобылу. Проехал несколько шагов. Потом остановился.
— Елена Сергеевна.
— Да?
— Ночью туда пока не ездите.
— Почему?
Савелий посмотрел на лес.
— Не люблю, когда люди прячутся там, где им прятаться незачем.
Он поехал дальше.
Соболев проводил его взглядом.
— Интересный человек.
— Савелий?
— Да.
— Он здесь всю жизнь.
— И что за след он нашёл?
Елена повернула кобылу.
— Не знаю.

— Вам не интересно?

— Очень интересно.

— Но?

— Мне нравится смотреть, как вы мучаетесь.

Соболев посмотрел на неё.

— Это жестоко.

— Вы уже говорили.

Они двинулись дальше.

...

К завтраку опоздали почти на час.

Андрей сидел на веранде в лёгкой рубашке и пил кофе.

Увидев их, посмотрел на часы.

— Семь утра?

— Замолчи, — сказала Елена.

— Я ничего.

— Ты именно что-то.

Соболев сел за стол.

— Кофе есть?

— Есть. Я думал, ты погиб.

— Почти.

— Лена?

— Река.

Андрей понимающе кивнул.

— А.

— Никакого «а», — сказала Елена.

— Я молчу.

— Ты ужасно громко молчишь.

Соболев налил кофе.

— Андрей, что у вас за старый лесничий?

— Савелий? Нормальный.

— Он что-то нашёл возле Чёрного лога.

Андрей вздохнул.

— Уже?

— Что «уже»?

— Ты приехал вчера.

— Я просто встретил его.

— Конечно.

Елена села напротив.

— Савелий видел следы.

— Ну и что?

— Четырёх лошадей.

Андрей пожал плечами.

— Через лес ездят.

— По старой дороге?

— Иногда.

— Вчера Сомов говорил, что там не проехать.

— Сомов считает, что если дорога не занесена в книгу расходов, её не существует.

Соболев посмотрел на него.

— Они с Гординым часто спорят?

— Постоянно.

— Из-за чего?

— Земля.

— Очень точный ответ.

Андрей отломил кусок хлеба.

— Гордин приехал перемерить несколько участков. Старые планы никуда не годятся. Где-то межевые столбы исчезли, где-то просеки ушли, где-то крестьяне двадцать лет косят не там. Сомов уверен, что Гордин пытается усложнить простое дело. Гордин уверен, что Сомов двадцать лет управлял имением на глаз.

— А ты?

— Я уверен, что оба хотят денег.

Елена рассмеялась. Соболев тоже.

На веранду вышел Сомов.

Он был одет уже по-дневному, но выглядел хуже, чем вечером.

Лицо бледное.

— Доброе утро.

— Аркадий Львович, садитесь, — сказал Андрей. — Кофе?

— Благодарю, нет.

Сомов заметил Соболева и Елену.

— Верхом?

— К реке, — ответила Елена.

— По лесной дороге?

— Частично.

Сомов нахмурился.

— Я просил не ездить к Чёрному логу.

— Мы и не ездили.

— Савелия встретили, — сказал Соболев.

Управляющий посмотрел на него.

— Где?

— Возле старого указателя.

— Что он там делал?

— Возвращался из леса.

Сомов помолчал.

— Он что-нибудь говорил?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Соболев это заметил. Елена тоже.

— Про огни, — ответила она.

Сомов расслабился едва заметно.

— Опять эта глупость.

— И про следы, — добавил Соболев.

Сомов посмотрел на него.

— Какие следы?

— Лошадиные.

— В лесу?

— На старой дороге.

Сомов отодвинул стул.

— Савелий любит находить загадки там, где их нет.

— Возможно.

— Дорога почти не используется.

— Но следы свежие.

— Значит, кто-то проехал.

— Разумно.

Сомов посмотрел на него чуть внимательнее.

— Дмитрий Петрович, надеюсь, вы не собираетесь превращать местные деревенские рассказы в государственное расследование?

Соболев улыбнулся.

— Больше всего на свете я сейчас не хочу ничего расследовать.

— Прекрасно.

Сомов повернулся к Андрею.

— Андрей Сергеевич, после завтрака мне нужно поговорить с вами о северных участках.

— Опять?

— Нужно.

— Хорошо.

— И Гордин должен присутствовать.

— Если вы оба обещаете не убить друг друга.

Сомов впервые улыбнулся.

— Мы постараемся.

Соболев посмотрел на Елену. Она едва заметно покачала головой. Не начинайте. Он послушался. Почти.

— Аркадий Львович.

Сомов остановился.

— Да?

— Савелий собирался вам что-то показать.

На секунду лицо управляющего стало совершенно неподвижным.

— Мне?

— Так он сказал.

— Что именно?

— Не знаю.

Сомов посмотрел в сторону леса.

— Тогда пусть приходит.

Он ушёл в дом.

Андрей продолжал спокойно завтракать.

Соболев следил за дверью.

— Не надо, — сказала Елена.

— Что?

— Делать такое лицо.

— Какое?

— Я вас уже начинаю узнавать.

— Это опасно.

— Для кого?

— Пока не решил.

Андрей поднял глаза.

— О чём вы?

— Ни о чём, — одновременно ответили оба.

Вересов посмотрел сначала на сестру, потом на Соболева.

— Мне начинает не нравиться ваш отпуск.

...

После завтрака Соболев всё-таки выполнил обещание.

Несколько часов он не делал ничего. Это оказалось труднее, чем ожидалось.

Он устроился в саду под липой с книгой. Прочитал семь страниц. Потом вернулся на две назад, потому что не помнил содержания. На восьмой странице поймал себя на мысли о Савелии.

«След неправильный».

Что это могло означать? Хромая лошадь? Сбитая подкова? След не того размера? Направление?

Соболев закрыл книгу.

— Нет.

Открыл снова. Прочитал ещё три страницы. Теперь вспомнил лицо Сомова, когда услышал про следы. Закрыл.

— Нет.

— Вы спорите с книгой?

Елена стояла возле дерева с корзиной в руках.

Соболев поднял голову.

— Она проигрывает.

— Что читаете?

Он показал обложку.

— И как?

— Пока не знаю.

— Вы её вверх ногами держите.

Соболев посмотрел. Книга была в нормальном положении.

Елена рассмеялась.

— Поверили.

— Очень смешно.

— Идёмте.

— Куда?

— В сад.

— Я уже в саду.

— В настоящий. За яблоками.

— В июне?

— За земляникой. Хотела проверить, слушаете ли вы.

Соболев закрыл книгу.

— С вами невозможно отдыхать.

— Зато не скучно.

Они пошли по дорожке.

Соболев неожиданно понял, что Савелий, следы и Сомов исчезли из головы.

По крайней мере, на несколько минут. И это оказалось приятно.

День проходил медленно. Они собирали землянику. Елена показала старую беседку у пруда.

Потом конюшню. Соболев познакомился ещё с двумя лошадьми, чьи имена оказались столь же изобретательны, как имя Серого.

После обеда Андрей настоял на картах.

Соболев проиграл ему две партии в вист и одну выиграл.

— Ты жульничаешь, — сказал Андрей.

— Доказательства?

— Ты следователь.

— Это не доказательство.

— Для меня достаточно.

Ближе к вечеру приехал доктор Белозёров.

Он привёз какие-то порошки для Сомова и долго разговаривал с ним в кабинете. Соболев заметил. Не спросил. Елена тоже заметила, что он не спросил.

— Вы растёте над собой, — сказала она.

— Благодарю.

— Хотя лицо выдаёт мучения.

— Вы начинаете злоупотреблять наблюдательностью.

— Учусь у вас.

— Плохая привычка.

— Почему?

Соболев посмотрел на неё.

— Иногда видишь то, что предпочёл бы не видеть.

Елена на секунду стала серьёзной.

— Это о Сомове?

— Нет.

— Лжёте.

— Не исключено.

— Значит, всё-таки учусь.

Он улыбнулся.

...

После ужина Соболев вышел на веранду.

Вечер был тёплый.

Небо над лесом ещё светилось.

Андрей и Ладин спорили в гостиной о лошадях. Гордин сидел у окна с бумагами.

Сомова нигде не было.

Елена вышла через несколько минут. В руках у неё был бокал воды.

— Ищете?

— Что?

— Огни.

— Нет.

— Сегодня уже второй раз отвечаете одинаково.

— Потому что вопрос одинаковый.

Она встала рядом.

Лес постепенно темнел.

— Савелий так и не приходил, — сказала Елена.

Соболев повернулся.

— Вы тоже заметили.

— Конечно.

— Может, придёт завтра.

— Может.

Несколько секунд они смотрели на дальнюю полосу деревьев.

— Дмитрий Петрович.

— Да?

— Если огни появятся сегодня, вы поедете туда?

Он подумал.

— Нет.

Елена удивилась.

— Правда?

— Правда.

— Почему?

— Потому что пока нет причины.

— А любопытство?

— Это не причина.

— Для вас?

— Иногда самая опасная.

Елена улыбнулась.

— Значит, всё-таки умеете останавливаться.

— Редко.

— Сегодня сможете?

Соболев посмотрел на неё.

— Постараюсь.

Она хотела что-то сказать. В этот момент из дома вышел Сомов.

Он двигался быстро, почти не заметив их. Прошёл по веранде, спустился в сад и направился к конюшне.

Соболев проводил его взглядом.

— Куда это он? — тихо спросила Елена.

— Не знаю.

Сомов исчез за деревьями.

Через несколько минут со стороны конюшни послышался топот.

Одна лошадь выехала на дорогу. Всадник направился к лесу.

Соболев машинально достал часы. Без двадцати десять.

Елена увидела.

— Вы же обещали.

— Я только смотрю время.

— Разумеется.

Они продолжали стоять. Через пять минут над лесом появился голубой огонь.

Один. Потом второй. Третий.

Елена медленно поставила бокал на перила.

Соболев уже не улыбался.

Огни горели далеко, но отчётливо.

Первый погас.

Второй переместился вправо.

Третий остался на месте.

— Это не болото, — сказала Елена.

— Нет.

— И не случайные фонари.

Соболев ничего не ответил. Он смотрел на лес.

Через несколько секунд погас последний свет.

Осталась только темнота.

— Поедете? — спросила Елена.

Соболев ещё некоторое время молчал.

Потом спрятал часы.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Сомов уехал пять минут назад. Огни появились после него. Это может быть связано, а может не быть связано вообще.

— Вы уже считаете минуты.

— К сожалению.

Елена посмотрела на него.

— Ваш отпуск заканчивается?

Соболев улыбнулся.

— Пока держится.

Из гостиной донёсся голос Андрея:

— Лена! Дмитрий! Вы где?

Елена не ответила сразу.

Она всё ещё смотрела на лес.

— Мне не нравятся эти огни.

— Мне тоже.

— Почему?

Соболев опёрся ладонями о перила.

— Потому что они слишком стараются выглядеть загадочными.

Она повернулась к нему.

— Что это значит?

— Пока ничего.

— Опять профессиональный ответ.

— Да.

Андрей снова позвал их.

Елена взяла бокал.

— Идёмте.

Соболев задержался ещё на несколько секунд.

Далеко над лесом ничего больше не появлялось. Он уже собирался войти в дом, когда услышал слабый, почти неразличимый звук. Топот. Со стороны дороги. Одна лошадь.

Соболев остановился.

Звук приближался.

Елена тоже слышала.

— Сомов возвращается?

— Возможно.

Они ждали. Но лошадь не появилась.

Топот вдруг оборвался.

Словно всадник свернул с дороги.

Соболев посмотрел в темноту. Потом на часы.

Без десяти десять.

— Дмитрий Петрович?

— Ничего.

— Вы уверены?

Он медленно закрыл крышку часов.

— Пока да.

Они вошли в дом.

А далеко за полями, на старой дороге, ведущей к Чёрному логоу, кто-то уже ехал в темноте без фонаря...

ГЛАВА IV

ТРИ ОГНЯ НАД ЛЕСОМ

«Когда огонь зажигают для того, чтобы его увидели, важно смотреть не на свет, а на того, кому он предназначен».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Сомов вернулся около одиннадцати.

Соболев слышал лошадь уже из своей комнаты.

После ужина компания довольно быстро разошлась. Ладин уехал к себе, доктор Белозёров покинул Липовый Ключ ещё раньше, Гордин забрал бумаги и удалился в небольшую комнату в восточном крыле, где ему разрешили работать. Андрей пытался уговорить Соболева на ещё одну партию в карты, но тот отказался.

Не потому, что хотел спать.

Просто с того момента, когда над лесом появились три голубых огня, мысли упорно возвращались к одному и тому же.

Сомов выехал.

Через несколько минут вспыхнули огни.

Потом кто-то двигался по дороге.

Последовательность могла не означать ничего.

Соболев прекрасно знал, насколько опасна человеческая привычка связывать два события только потому, что одно случилось после другого.

Он повторил это себе несколько раз.

Не помогло.

Теперь, стоя возле открытого окна, Соболев увидел, как из темноты появился всадник.

Сомов. Управляющий ехал медленно. Лошадь была покрыта пеной у шеи. Вот это уже было интересно. Человек вернулся спокойно. Лошадь — нет.

Соболев нахмурился.

Сомов остановился возле конюшни, спешил и передал повод выбежавшему работнику.

Несколько секунд говорил с ним. Потом посмотрел на дом. Вверх.

Соболев отступил от окна прежде, чем успел подумать, зачем это делает.

И сразу рассердился на себя.

Он что, прячется? От кого? От управляющего именем?

Соболев снова подошёл к окну. Сомова уже не было.

Во дворе работник водил лошадь шагом.

Дмитрий Петрович закрыл окно. На столе лежала книга. Он открыл её. Прочитал половину страницы. Вернулся к началу. Прочитал снова. Закрыл.

— Прекрасно.

Он достал часы. Одиннадцать десять.

Сомова не было около полутора часов.

До Чёрного лога верхом, по словам Елены, примерно пять-шесть вёрст. Можно доехать быстро. Можно медленно. Можно вообще ехать куда-то в другое место.

Соболев снял жилет, положил часы на стол и лёг.

Через несколько минут снова сел.

В памяти возникла фраза Савелия:

«След как след. Только неправильный».

Ещё одна вещь, которая его совершенно не касалась.

До утра Дмитрий Петрович почти не спал.

...

Зато в половине девятого он спал превосходно. Именно тогда в дверь постучали.

Соболев не ответил. Постучали снова.

— Дмитрий Петрович?

Голос Елены. Он открыл глаза.

Некоторое время смотрел на потолок, пытаясь понять, почему Елена Сергеевна находится у его двери в столь безнравственно ранний час.

Потом посмотрел на часы. Половина девятого.

Наконец вспомнил, что в деревне это считается почти полуднем.

— Дмитрий Петрович!

— Жив.

За дверью наступила пауза.

— Это уже успех.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему вы здесь?

— Завтрак.

— Завтракайте.

— Андрей велел проверить, не умерли ли вы.

— Передайте Андрею, что попытка не удалась.

— Передам.

Шаги удалились. Соболев закрыл глаза. Прошло секунд десять.

Голос Елены снова раздался почти у самой двери:

— А ещё Савелий пришёл.

Соболев сел.

— Что?

За дверью засмеялись.

— Вот теперь вы проснулись.

Он встал.

— Елена Сергеевна, это запрещённый приём.

— Какой?

— Использование следственных обстоятельств для пробуждения отдыхающего человека.

— Значит, через десять минут?

— Через пятнадцать.

— Двенадцать.

— Вы торгуетесь хуже, чем вчера.

— Потому что опять выиграю.

Шаги действительно удалились. Соболев подошёл к умывальнику.

В зеркале на него смотрел человек, который выглядел значительно менее довольным сельским отдыхом, чем сутки назад.

Он плеснул в лицо холодной водой.

— Савелий, — сказал отражению.

Потом остановился. Почему старик пришёл? Показать Сомову след? Рассказать про огни?

Или просто выпить чаю на кухне?

Соболев вдруг поймал себя на том, что уже строит варианты.

— Нет.

Он начал бриться.

Но закончил быстрее обычного.

...

Савелия на веранде не оказалось.

За столом сидели Андрей, Елена и Гордин.

Соболев остановился.

Елена спокойно намазывала вареньем хлеб.

— Вы солгали.

— Когда?

— Савелий.

— Он действительно приходил.

— Где он?

— Ушёл.

Соболев посмотрел на часы.

— Вы сделали это нарочно.

— Конечно.

— Зачем?

— Проверяла, действительно ли вы в отпуске.

— И?

Она улыбнулась.

— Нет.

Андрей поднял голову от газеты.

— О чём речь?

— Твоя сестра занимается провокациями.

— Это у неё с детства.

— Андрей.

— Я ничего.

Соболев сел.

— Почему Савелий ушёл?

Андрей сложил газету.

— Пришёл к Сомову. Того не застал.

— Сомов где?

— Уехал в Берестово.

— Когда?

Елена посмотрела на Соболева. Он понял.

— Хорошо. Больше не спрашиваю.

— Нет уж, — сказала она. — Теперь спрашивайте. Мне интересно, сколько продержитесь.

Соболев налил кофе.

— Савелий что-нибудь оставил?

Андрей пожал плечами.

— Не знаю. Они там что-то с Аркадием обсуждают про лес.

— Сегодня не обсуждали.

— Значит, вчера.

— Вчера Савелий собирался только прийти.

Гордин поднял глаза. До этого момента землемер почти не участвовал в разговоре.

— Савелий Кузьмич хотел показать управляющему следы на старой дороге?

Соболев повернулся к нему.

— Вы знаете?

— Вчера видел его возле межевой просеки. Он спрашивал, есть ли у меня старый план западной части владений.

— Зачем?

— Не сказал.

— Вы дали?

— Нет. План у Аркадия Львовича.

Андрей нахмурился.

— Что за план?

— Старый межевой. Ещё вашего отца.

— И зачем он Савелию?

Гордин пожал плечами.

— Не знаю.

Соболев посмотрел на него внимательнее.

— Вы сами бывали на старой дороге?

— Конечно.

— Верхом?

— Пешком.

— Сомов утверждает, что там невозможно проехать.

Гордин чуть улыбнулся.

— Аркадий Львович очень любит слово «невозможно», когда речь идёт о вещах, которые ему неудобны.

— Это уже второй раз, когда вы так говорите о нём, — заметила Елена.

Землемер слегка смутился.

— Простите. Мы просто по-разному смотрим на землю.

— Каким образом? — спросил Соболев.

— Для него земля — хозяйство. Для меня — измерение. Если на плане дорога есть, я должен найти её след. Даже если двадцать лет никто ею не пользовался.

— А нашли?

Гордин помолчал.

— Частично.

Соболев поставил чашку.

— Что значит «частично»?

Елена тихо вздохнула.

— Началось.

Гордин посмотрел на неё и улыбнулся.

— Ничего загадочного, Елена Сергеевна. Дорога заросла. Где-то просматривается старая колея, где-то нет. За болотистой низиной она появляется снова.

— За Чёрным логом?

— Да.

— Значит, через него всё-таки можно пройти?

— Пешком — безусловно. Верхом тоже, если знать где.

Соболев вспомнил слова Сомова.

«Верхом там не пройти».

Гордин продолжил:

— Более того, судя по земле, кто-то проходит там довольно регулярно.

— Недавно?

— Очень.

Андрей перестал улыбаться.

— Почему ты мне не говорил?

— Потому что не видел причины. Ваши крестьяне, лесники, охотники...

— Ночью?

— Этого я не знаю.

Соболев почувствовал, что Елена смотрит на него.

Он не повернулся.

— Вы видели следы подков?

— Видел.

— Что-нибудь необычное?

Гордин задумался.

— Нет.

— Одна подкова не могла быть поставлена наоборот?

Теперь на него посмотрели все. Гордин нахмурился.

— Наоборот?

— Да.

— Зачем?

— Именно.

Землемер покачал головой.

— Не заметил.

Андрей отложил газету.

— Дмитрий, откуда это?

— Савелий сказал, что нашёл неправильный след.

— И ты уже придумал подкову?

— Нет. Предположил.

— В отпуске?

Соболев отпил кофе.

— Исключительно любительски.

Елена рассмеялась.

В этот момент из дома вышла горничная.

— Андрей Сергеевич, там Аркадий Львович приехали.

— Пусть идёт сюда.

Соболев посмотрел на часы. Без четверти десять. Через минуту на веранде появился Сомов.

Он был раздражён. Это было видно сразу.

— Доброе утро.

Все ответили.

Управляющий подошёл к столу, но не сел.

— Андрей Сергеевич, мне нужно поговорить с вами.

— Садитесь сначала.

— Потом.

— Савелий приходил, — сказал Андрей.

Сомов остановился.

— Когда?

— Утром.

— Что хотел?

— Тебя.

— Он что-нибудь передал?

— Нет.

Соболев наблюдал.

Раздражение на лице Сомова сменилось чем-то другим. Не страхом. Скорее досадой.

— Куда он ушёл?

— Не знаю. Вероятно, домой.

Сомов посмотрел на Гордина.

— Пётр Антонович, вы закончили северный план?

— Почти.

— «Почти» длится уже неделю.

— Потому что граница в документах не совпадает с фактической просекой.

— Мы это обсуждали.

— Поэтому работа и продолжается.

Сомов резко повернулся к Андрею.

— Вот об этом я и хотел поговорить.

— За завтраком?

— Это не займёт много времени.

— Тогда говори.

Управляющий посмотрел на остальных.

— Наедине.

Андрей нахмурился.

— Хорошо. Через десять минут в кабинете.

Сомов кивнул.

Потом неожиданно обратился к Соболеву:

— Дмитрий Петрович, вчера вечером вы видели огни?

Вопрос был настолько прямым, что Соболев не сразу ответил.

— Видел.

— Сколько?

— Три.

Сомов помолчал.

— Где?

— Над лесом. Примерно в направлении Чёрного лога.

— Вы уверены?

— Нет.

Управляющий явно не ожидал такого ответа.

— То есть?

— Я видел три голубоватых источника света. Расстояние и точное место ночью определить трудно.

Сомов расслабился.

— Именно. Все почему-то сразу решают, что это Чёрный лог.

— А вы как думаете?

— Рыбаки. Рабочие. Кто угодно.

— Ночью в лесу?

— Люди делают много бессмысленного.

— С этим трудно спорить.

Сомов посмотрел на него чуть дольше.

— Особенно если им начинают приписывать тайные намерения.

— Я ничего им не приписывал.

— Хорошо.

Он повернулся и ушёл.

Несколько секунд за столом было тихо. Потом Елена сказала:

— Он сегодня особенно любезен.

Гордин едва заметно улыбнулся.

Андрей нахмурился.

— Аркадий последние недели сам не свой.

— Из-за чего? — спросил Соболев.

— Если бы я знал.

— Денежные дела?

— Возможно.

— Землемер?

— Возможно.

— Здоровье?

Андрей посмотрел на него.

— Ты уже допросил доктора?

— Нет.

— Тогда откуда?

Соболев пожал плечами.

— Вчера Сомов почти не ел, держался за правый бок, Белозёров за ним наблюдал и сегодня утром он выглядит так, словно плохо спал.

Елена медленно положила ложку.

— Вы всё это заметили за обедом?

— Это было видно.

— Мне — нет.

— Вы смотрели на других людей.

Она встретила с ним взглядом.

— На кого именно?

Соболев понял, что попал в ловушку. Андрей рассмеялся.

— Дмитрий, я бы на твоём месте не отвечал.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Елена улыбнулась.

— Очень разумно.

...

После завтрака Андрей ушёл с Сомовым в кабинет.

Гордин отправился за бумагами.

Соболев собирался вернуться к своей книге, но Елена перехватила его у лестницы.

— Куда?

— В сад.

— Нет.

— Почему сегодня все запрещают мне распоряжаться собственной жизнью?

— Потому что вы плохо распоряжаетесь.

— Что теперь?

— Конюшня.

— Я уже видел.

— Вы видели три стойла и Серого. Это не конюшня.

— А что?

— Экскурсия.

— У меня есть выбор?

— Конечно.

— Какой?

— Пойти добровольно или потом пожалеть.

Соболев посмотрел на неё.

— Угроза?

— Предупреждение.

— Хорошо.

Они вышли во двор.

День уже становился жарким.

В саду гудели пчёлы.

Со стороны деревни доносился далёкий звон.

У конюшни Егор чистил вороную кобылу Елены.

— Ну как? — спросила она.

— Хорошо.

— Ногу больше не бережёт?

— Нет.

Соболев посмотрел вниз.

— Что с ногой?

— Неделию назад камень попал под подкову, — сказала Елена. — Хромала два дня.

Егор поднял копыто и показал.

Соболев невольно наклонился.

Подкова была почти новая.

— Егор.

— Дмитрий Петрович?

— Часто приходится менять подковы?

— Смотря как ездить.

— Можно прибить наоборот?

Егор посмотрел сначала на него, потом на Елену.

— Можно.

— Случайно?

— Хороший кузнец не прибьёт.

— А плохой?

— Плохого к лошади лучше не пускать.

— Что будет, если прибить наоборот?

Егор пожал плечами.

— Лошади почти ничего. Подкова всё равно железная. Только след другой.

Соболев замолчал.

— Что? — спросила Елена.

— Ничего.

— Вы сейчас нашли что-то.

— Я ничего не нашёл.

— Тогда почему у вас такое лицо?

— Какое?

— Как вчера у Сомова, когда вы сказали про следы.

Соболев посмотрел на неё с удивлением.

— А вы тоже заметили.

— Учусь.

Егор отпустил ногу кобылы.

— Так чего с подковой?

— Савелий видел неправильный след, — сказал Соболев.

Егор подумал.

— Это может быть.

— Что именно?

— Если подкову перевернуть, на мягкой земле покажется, будто конь шёл в другую сторону.

Соболев посмотрел на него.

— Вы уверены?

— По следу подковы — да. Но по копыту, по глубине, по земле хороший человек разберёт.

— Савелий разберётся?

Егор усмехнулся.

— Савелий по следу знает, какой конь утром ел плохо.

Елена оперлась на перегородку.

— Значит, кто-то специально мог сделать так, чтобы казалось, что лошадь шла обратно?

— Мог.

— Зачем?

Егор пожал плечами.

— Это вы у Дмитрия Петровича спрашиваете.

Соболев покачал головой.

— Я в отпуске.

Елена рассмеялась.

— Теперь это уже звучит неприлично.

Они прошли дальше вдоль стойл. Елена рассказывала о лошадях.

Эта принадлежала Андрею. Эту купили прошлой осенью. Серая кобыла была старой любимицей их матери. Соболев слушал. И постепенно действительно перестал думать о подковах.

У одного стойла Елена остановилась.

— А это Буян.

Крупный гнедой жеребец повернул голову.

Соболев посмотрел на него.

— Характер соответствует имени?

— Полностью.

— Тогда почему вы держите его?

— Андрей любит.

— Андрей любит трудности.

— Поэтому дружит с вами.

Соболев рассмеялся.

Жеребец фыркнул.

Елена протянула ему кусочек яблока.

— Хотите?

— Кормить?

— Да.

— Он меня знает?

— Нет.

— Тогда почему я должен ему доверять?

— Потому что он честнее большинства ваших знакомых.

Соболев взял яблоко.

Буян осторожно снял его с ладони.

— Видите?

— Пока да.

— У вас ужасная привычка ждать подвоха.

— Профессиональная.

— А без неё вы умеете?

Соболев посмотрел на неё.

— Наверное.

— Когда?

— Узнаю — скажу.

Елена хотела что-то ответить, но со стороны дома раздался резкий голос.

Сомов.

Они невольно обернулись.

Управляющий стоял на крыльце рядом с Гординым.

Даже на расстоянии было видно, что они спорят.

— Опять, — сказала Елена.
— Часто?
— Последнее время почти каждый день.
— Из-за земли?
— Андрей говорит, из-за бумаг.
Гордин что-то сказал.
Сомов резко ответил.
Землемер повернулся и ушёл в сторону бокового флигеля.
Сомов остался.
Несколько секунд смотрел ему вслед.
Потом заметил Соболева и Елену возле конюшни.
И сразу ушёл в дом.
Соболев нахмурился.
— Что?
— Ничего.
— Опять?
— Вы действительно начинаете злоупотреблять моей честностью.
Елена посмотрела на него.
— Вам Сомов не нравится?
— Почему?
— Вы всё время наблюдаете за ним.
— Сейчас он единственный человек здесь, который ведёт себя так, будто ему неприятно моё присутствие.
— А это вас задевает?
— Наоборот.
— Тогда почему интересно?
Соболев немного подумал.
— Потому что мы почти не знакомы.
— Может быть, он просто не любит следователей.
— Возможно.
— Я тоже вчера не была уверена, что люблю.
— А сегодня?
Елена произнесла это легко:
— Сегодня пока терплю.
И пошла дальше.
Соболев задержался на полшага.
Потом догнал её.
...
Ближе к полудню в усадьбу приехал Ладин.
На этот раз верхом.
Он появился во дворе на высоком рыжем жеребце и спрыгнул на землю почти не касаясь стремени.
Елена, увидев это с веранды, сказала:
— Сейчас начнётся.
— Что? — спросил Соболев.
— Виктор Павлович будет рассказывать о лошади.
Ладин поднялся на крыльцо.
— Добрый день!
— Только не говорите, что мы должны посмотреть на жеребца, — сказала Елена.

— Почему?

— Потому что вы именно за этим приехали.

— Неправда. Я приехал к Андрею.

— А жеребца случайно взяли с собой?

— Совершенно случайно.

Соболев улыбнулся.

Ладин пожал ему руку.

— Ну как сельская жизнь?

— Пока никто не убит.

Елена повернулась.

— Дмитрий Петрович!

— Что?

— Вы обещали.

— Я просто констатировал.

Ладин рассмеялся.

— Вот видите. Человек второй день в деревне, а уже скучает.

— Напротив.

— Тогда сегодня вечером к нам.

— Зачем?

— Ужин. Будет человек десять. Соседи. Константин Рудов тоже обещал приехать.

Елена едва заметно изменилась.

Соболев заметил.

— Рудов? — переспросил Андрей, появляясь в дверях.

— Да.

— Тогда я не поеду.

— Почему?

— Потому что он снова будет рассказывать, как стрелял в Венгрии кабана.

— В Австрии, — поправила Елена.

— Тем хуже.

Ладин посмотрел на Соболева.

— Вы знакомы?

— Нет.

— Познакомитесь. Забавный человек.

Елена тихо сказала:

— Это зависит от того, кто забавляется.

Ладин усмехнулся.

— Вы к нему несправедливы.

— Я к нему очень справедлива. Именно поэтому он обижается.

Соболев ничего не спросил.

Но имя запомнил.

Константин Рудов.

...

После обеда жара стала почти неподвижной. Даже птицы притихли.

Андрей устроился в гамаке. Ладин уехал. Гордин снова заперся с картами. Сомов исчез.

Соболев расположился в тени старой липы.

На этот раз с книгой действительно получалось лучше. Он прочёл почти двадцать страниц.

Потом кто-то опустил на траву рядом. Елена.

В руках у неё была корзинка с вишней.

— Хотите?

— Да.

Она протянула корзинку.

Соболев взял несколько ягод.

— Я думал, вы тоже отдыхаете.

— Я живу здесь. Мне незачем отдыхать.

— Значит, деревенские люди никогда не устают?

— Устают. Только от другого.

— От чего?

Елена задумалась.

— От одинаковых дней.

Соболев закрыл книгу.

— Вам здесь скучно?

— Иногда.

— Вчера говорили, что хорошо.

— Хорошо и скучно не противоречат друг другу.

— Философски.

— Не издевайтесь.

— Не собирался.

Она бросила косточку в траву.

— Представьте: каждое утро одна и та же река. Одни и те же люди. Андрей. Сомов. Савелий. Берестово. Зимой Петербург на несколько недель — и снова сюда.

— А чего вы хотите?

— Не знаю.

— Тогда трудно обвинять Липовый Ключ.

— Я и не обвиняю.

— Может быть, замуж?

Елена посмотрела на него.

— Это предложение?

Соболев едва не подавился вишней. Она рассмеялась.

— Дмитрий Петрович, у вас совершенно замечательное лицо.

— Вы злоупотребляете внезапностью.

— Так что же?

— Что?

— Вы предложили мне замужество как средство от скуки.

— Я спросил.

— Очень профессионально.

— Хорошо. Отзываю вопрос.

— Поздно.

Она снова взяла вишню. Соболев посмотрел на неё.

— Ладин упомянул Рудова.

— И?

— Вы изменились.

— Вот как?

— Немного.

— Следователь заметил.

— Мужчина тоже.

Елена на секунду замолчала.

— Константин Николаевич наш сосед.

— Это я понял.
— Когда-то служил в гвардии.
— И это.
— Хорошо стреляет. Великолепно ездит. Очень нравится женщинам.
— Вы перечисляете достоинства?
— Предупреждаю.
— Меня?
— Не знаю. Возможно, себя.
Соболев улыбнулся.
— Он за вами ухаживает?
Елена медленно повернула голову.
— Это уже точно допрос.
— Можете не отвечать.
— Ухаживает.
— И?
— И ничего.
— Он знает?
— Не уверена.
— Тогда мне его немного жаль.
— Почему?
— Потому что вы умеете говорить «ничего» очень убедительно.
Она рассмеялась.
Соболев снова открыл книгу.
Но читать уже не смог.
...
Савелий пришёл во второй раз после пяти часов.
На этот раз Соболев увидел его из сада.
Старик шёл пешком, ведя кобылу за повод.
Он направился сразу к хозяйственным постройкам.
Соболев поднялся.
Потом остановился.
Елена, сидевшая неподалёку с вышиванием, подняла глаза.
— Идите.
— Куда?
— За Савелием.
— Я не собирался.
— Дмитрий Петрович.
— Что?
— Вы сейчас стоите посреди дорожки и смотрите ему вслед.
Соболев помолчал.
— Это ещё ничего не означает.
— Конечно.
Он сел обратно.
Елена улыбнулась.
— Горжусь вами.
Через десять минут Савелий сам появился в саду.
— Дмитрий Петрович.
Соболев поднялся.
— Савелий Кузьмич.

— Можно вас на минуту?
Елена отложила вышивание.
Соболев посмотрел на неё.
Она невинно сказала:
— Я ничего.
Они отошли к липовой аллее.
Старик остановился.
— Сомова опять нет.
— Вы хотели показать ему след?
— Хотел.
— Почему именно ему?
Савелий посмотрел на Соболева.
— Потому что лес хозяйский. Управляющий за него отвечает.
— Логично.
— А он всё занят.
— Что вы нашли?
Старик сунул руку в карман.
Достал маленький кусок голубого стекла.
Положил на ладонь.
Соболев взял.
Стекло было толстым, чуть выгнутым.
— Где?
— На старой дороге.
Дмитрий Петрович поднёс его к солнцу.
Сад стал голубым.
— Фонарь?
— Похоже.
— Значит, огни действительно не болотные.
— Я и без стекла знал.
— А след?
Савелий усмехнулся.
— Значит, всё-таки не отдыхаете.
— Сейчас вы сами пришли.
— Это верно.
Он присел на скамью.
— Подкова перевёрнута.
Соболев сел рядом.
— Вы уверены?
— Я сорок лет следы смотрю.
— На какой ноге?
— Передней правой.
— У одной лошади?
— У одной.
— Остальные обычные?
— Да.
— Сколько?
— Четыре.
— Откуда шли?
Савелий прищурился.

— Вот в том-то штука. Трое будто от мельницы. А четвёртый по подкове — к мельнице. Только если копыто смотреть, глубину, как земля сдвинута — тоже от мельницы.

— Значит, кто-то хотел создать впечатление, что одна лошадь двигалась в противоположную сторону.

— Выходит.

— Зачем?

Савелий пожал плечами.

— Это уж вы думайте.

— Я в отпуске.

Старик посмотрел на него.

Потом рассмеялся.

— Ну да.

Соболев повертел стекло.

— Можно оставить?

Савелий немного подумал.

— Оставляйте.

— Сомову покажете след?

— Завтра поведу его туда, если опять не убежит.

— Он знает о подкове?

— Нет.

Соболев посмотрел на старика.

— Никому больше не говорили?

— Егору сказал.

— Ещё?

— Нет.

— Елена Сергеевна знает.

— Откуда?

— Мы утром говорили.

Савелий кивнул.

— Она своя.

Соболев почему-то отметил именно эти слова.

— А Андрей Сергеевич?

— Не говорил.

— Почему?

Старик помолчал.

— Андрей Сергеевич хороший человек. Только хозяйством больше Сомов занимается.

— Вы доверяете Сомову?

Вопрос прозвучал слишком прямо.

Савелий посмотрел на него.

— А с чего бы не доверять?

— Просто спросил.

— Давно его знаю.

— Это не всегда ответ.

Савелий прищурился.

— Вот теперь точно следователь.

Соболев улыбнулся.

— Простите.

Старик поднялся.

— Завтра покажу место. Хотите — тоже поедem.

— Во сколько?

Соболев понял, что ответил слишком быстро.

Савелий усмехнулся.

— После завтрака.

— Хорошо.

— Отпуск?

— Исключительно прогулка.

— Ну-ну.

Он пошёл к лошади.

Соболев остался на скамье.

В ладони лежал кусочек голубого стекла.

Очень простой предмет.

Никакой мистики.

И почему-то от этого огни стали интереснее.

...

Елена дождалась, пока Савелий уйдёт.

Потом подошла.

— Покажите.

Соболев протянул стекло.

Она посмотрела сквозь него.

— Красиво.

— Особенно если не знать, зачем оно нужно.

— Вы знаете?

— Пока только предполагаю. Часть фонаря.

— Сигнал?

Соболев взглянул на неё.

— Почему именно сигнал?

— Потому что фонарь с голубым стеклом нужен, чтобы его отличали от обычного света.

— Разумно.

— Вы удивлены?

— Немного.

— Почему?

— Не ожидал.

Она вернула стекло.

— Женщины тоже иногда думают.

— Я не это имел в виду.

— Но сказали именно так.

— Тогда прошу считать, что я уже извинился.

— Не считаю.

Соболев убрал стекло в карман.

— Хорошо. Вечером принесу официальные извинения.

— При свидетелях?

— Если потребуется.

— Подумаю.

Она сделала несколько шагов.

— Савелий показал след?

— Рассказал.

— Подкова?

— Наоборот.

Елена остановилась.

— Егор был прав.

— Да.

— Значит, кто-то специально оставляет ложные следы.

— Не обязательно.

— А зачем ещё переворачивать подкову?

— Может быть, шутка. Особенность кузнеца. Старая ошибка.

— Вы сами в это верите?

Соболев посмотрел на неё.

— Нет.

— Вот и я.

Они медленно пошли к дому.

— Завтра Савелий поведёт меня туда.

— Я еду с вами.

— Нет.

— Почему?

— Потому что...

Соболев остановился.

Елена ждала.

Он понял, что не может придумать ни одной убедительной причины.

— Потому что я сказал.

— Это самая плохая причина из возможных.

— Там болото.

— Я родилась здесь.

— Дорога плохая.

— Я езжу лучше вас.

— Это спорно.

— Проверим?

Соболев вздохнул.

— Хорошо.

— Видите, как легко.

— Я уже начинаю жалеть.

— Поздно.

...

Вечером Андрей распорядился вынести чай на веранду.

Жара спала.

Сад наполнился запахом лип.

Приехал доктор Белозёров.

Ладин вернулся после ужина, потому что, по его словам, дома было скучно.

Гордин впервые за день отложил карты и присоединился к остальным.

Сомов появился последним.

Он был переодет.

Соболев заметил на нём другой сюртук.

— Наконец все, — сказал Андрей. — Теперь запрещаю говорить о земле, межевых столбах, болезнях и голубых огнях.

— Почему огни? — спросил Ладин.

— Потому что уже два дня говорим только о них.

— Я как раз хотел рассказать...

— Нет.

— Но вчера...

— Виктор.

— Хорошо.

Елена улыбнулась Соболеву.

Тот налил себе чай.

Разговор действительно некоторое время держался на безопасных темах.

О предстоящей ярмарке.

О театральном сезоне.

О новой пьесе, которую Ладин видел в Петербурге и не понял.

— Если пьесу нельзя понять после двух актов, — сказал Андрей, — третий уже не поможет.

— Иногда третий акт объясняет первые два, — заметил Соболев.

— Это у вас профессиональное.

— Возможно.

Доктор Белозёров посмотрел на него.

— В жизни, наоборот, третий акт обычно всё запутывает.

— Вы пессимист, Алексей Матвеевич.

— Врач.

— Разница?

— Пессимист ожидает худшего. Врач его регулярно видит.

Соболев улыбнулся.

Сомов сидел в стороне.

Почти не говорил.

Несколько раз взглянул на часы.

Не на настенные.

На собственные.

В половине десятого он поднялся.

— Прошу простить. Мне нужно проверить счета.

Андрей застонал.

— Ночью?

— Завтра утром приезжает приказчик из города.

— Оставь до утра.

— Не могу.

Сомов попрощался и вошёл в дом.

Соболев проводил его взглядом.

Белозёров тоже.

Через несколько минут доктор сказал:

— Аркадий Львович слишком много работает.

— Скажите ему, — ответил Андрей.

— Говорил.

— Не слушает?

— Люди редко слушают врача, пока могут ходить.

Елена посмотрела на Соболева.

Тот ничего не спросил.

Она слегка улыбнулась.

Он понял.

Снова урок самоконтроля.

Прошло ещё минут двадцать.

Солнце давно село, но небо оставалось светлым.

Северная ночь не становилась настоящей ночью.
Только лес за полями лежал почти чёрной полосой.
Ладин первым увидел.
— Вот.
Все повернулись.
Над лесом появился голубой огонёк.
Андрей вздохнул.
— Только этого не хватало.
Огонь горел несколько секунд.
Погас.
— Видите? — сказал Ладин.
— Фонарь, — ответил Андрей.
— Кто ночью ходит с голубым фонарём?
— Человек, у которого нет другого.
Соболев молчал.
Второй огонь появился левее.
Елена встала.
— Вчера было почти так же.
Гордин подошёл к перилам.
— Это не у мельницы.
— Почему? — спросил Соболев.
— Мельница дальше вправо. Если смотреть отсюда.
— А старая дорога?
— Огибает лог с этой стороны.
Третий огонь вспыхнул значительно дальше.
Все замолчали.
Теперь они видели три голубые точки.
Не рядом.
На значительном расстоянии друг от друга.
Соболев почувствовал, как меняется восприятие.
Один огонь мог быть случайностью.
Три — уже образовывали порядок.
Первый погас.
Через несколько секунд второй дважды коротко вспыхнул.
Погас.
Третий остался.
— Вот теперь скажите, что это болотный газ, — тихо произнёс Ладин.
Андрей ничего не ответил.
Белозёров сказал:
— Похоже на сигнал.
Соболев посмотрел на него.
Доктор пожал плечами.
— Не нужно быть следователем.
— Именно это я и подумал.
Елена подошла ближе к Соболеву.
— Что они говорят?
— Кто?
— Огни.
— Пока не знаю.

— Но это сигнал?
— Вероятно.
— Кому?
Соболев повернулся к дому.
Окна кабинета Сомова выходили на другую сторону.
В них горел свет.
Он посмотрел в сторону конюшни. Тихо. Потом на дорогу. Никого.
— Дмитрий Петрович?
— Что?
— Вы куда смотрите?
— Если это сигнал, кто-то должен его ждать.
Елена тоже оглянулась.
— Здесь?
— Не обязательно.
Третий огонь погас.
И почти сразу издалека донёсся топот.
Ладин выпрямился.
— Слышите?
Слышали все. Лошадь. Или несколько. Звук шёл со стороны леса. Тихий. Ритмичный.
Потом стал отчётливее.
Андрей шагнул к ступеням.
— Кто там ездит?
— Отсюда не увидите, — сказал Гордин.
Соболев прислушивался.
Лошадей было не меньше двух. Возможно, три. Топот двигался вдоль старой дороги.
Потом резко стих.
Ладин посмотрел на Соболева.
— Ну?
— Что «ну»?
— Поедем?
Елена сразу сказала:
— Я тоже.
Андрей повернулся к ней.
— Никуда вы не поедете.
— Почему?
— Потому что ночь.
— И?
— Лена.
— Андрей.
Соболев поднял руку.
— Никто никуда не едет.
Все посмотрели на него.
Ладин усмехнулся.
— Следователь приказывает?
— Человек, который не видит ни одной причины скакать ночью по болотам за неизвестными лошадьми.
— А огни?
— Будут и завтра.
— А если не будут?

— Тогда тем более не за кем гнаться.
Елена посмотрела на него почти с разочарованием.
— Неожиданно.
— Я иногда бываю разумным.
— Редко?
— Очень.
Ладин всё ещё смотрел в сторону леса.
— Я бы всё-таки съездил.
Соболев спокойно сказал:
— Тогда завтра утром мы будем искать не огни, а вас.
Доктор рассмеялся.
Даже Андрей улыбнулся.
Ладин махнул рукой.
— Хорошо. Уговорили.
Они вернулись к столу.
Но прежнего разговора уже не получилось.
Каждый время от времени смотрел на лес.
Огни больше не появлялись.
Через несколько минут дверь дома открылась.
На веранду вышел Сомов.
— Что случилось?
Андрей посмотрел на него.
— Опять огни.
Сомов остановился.
— Где?
— Там же.
— Сколько?
— Три, — сказала Елена.
Соболев наблюдал.
Управляющий не подошёл к перилам.
Не посмотрел в сторону леса.
Только спросил:
— Долго?
— Минуты две, — ответил Гордин.
— И что?
— Ничего.
Сомов кивнул.
— Вот видите.
— Что именно? — спросил Соболев.
Сомов перевёл взгляд.
— Что это ничего не значит.
— Возможно.
— Дмитрий Петрович, простите, но мне кажется, вы начинаете придавать слишком большое значение обычным деревенским глупостям.
— Я пока ничего им не придаю.
— Тогда прекрасно.
Соболев улыбнулся.
— Но странно другое.
— Что?

— Вы не посмотрели.
Тишина возникла мгновенно.
Сомов нахмурился.
— Куда?
— На огни. Когда вышли.
— Они уже погасли.
— Вы не знали этого.
Несколько секунд управляющий смотрел на него.
Елена перестала улыбаться.
Андрей тихо сказал:
— Дмитрий...
Соболев понял, что зашёл дальше, чем собирался.
Он откинулся на спинку кресла.
— Простите. Профессиональная привычка.
Сомов усмехнулся.
Но глаза остались холодными.
— Именно поэтому люди боятся следователей. Даже когда ничего не происходит, вы заставляете их чувствовать себя виноватыми.
— Только некоторых.
Сомов взял со стола свой пустой бокал.
Потом поставил обратно.
— Спокойной ночи.
Он ушёл.
Андрей дождался, пока дверь закроется.
— Дмитрий.
— Да?
— Ты второй день у меня.
— Знаю.
— Сомов двадцать лет ведёт хозяйство.
— Верю.
— Тогда зачем?
Соболев помолчал.
— Не знаю.
— Замечательно.
— Я сказал то, что заметил.
— Именно этого я и боялся.
Елена тихо произнесла:
— Но он действительно не посмотрел.
Андрей повернулся к сестре.
— Только не ты.
— Я просто говорю.
— Прекрасно. Теперь у меня два следователя.
Соболев поднялся.
— Нет. Один из них завтра идёт смотреть лошадиные следы.
Андрей закрыл лицо ладонью.
— Господи.
...
Около полуночи дом затих.
Соболев снова стоял у окна. На этот раз не делал вид, что оказался здесь случайно.

На столе лежал кусочек голубого стекла. Он поднёс его к лампе. Свет стал густо-синим. Простой фонарь. Очень вероятно. Но зачем три? Почему в разных местах? Почему один вспыхивает дважды?

Сигнал. Белозёров прав.

Соболев положил стекло. Потом достал лист бумаги. Написал:

«Первый — постоянный.

Второй — два коротких.

Третий — постоянный».

Посмотрел на запись. Скомкал лист.

— Отпуск.

Бумага полетела в корзину.

В этот момент на дворе послышались шаги. Соболев подошёл к окну. Из дома вышел человек. Сомов.

Управляющий постоял возле крыльца. Посмотрел в сторону конюшни. Потом в сторону дороги. И быстро пошёл через сад. Не к хозяйственным постройкам. К маленькой боковой калитке, ведущей в поле.

Соболев нахмурился.

Сомов открыл калитку. Исчез. Без лошади. Без фонаря.

Дмитрий Петрович посмотрел на часы. Двенадцать семнадцать.

Он стоял у окна ещё минуту. Потом две. Потом пять.

— Нет.

Отошёл. Разделся. Лёг. Через минуту поднялся. Надел рубашку. Снова подошёл к окну.

Сомова не было.

Соболев закрыл шторы. Теперь уже решительно. И только после этого заметил на столе собственный скомканный лист. Он достал его из корзины. Разгладил. Положил рядом с голубым стеклом.

...

Утром выяснилось, что Сомов вернулся домой.

Когда именно — никто не знал. А Савелий Кузьмич не пришёл.

Соболев ждал его до десяти. В половине одиннадцатого появился Егор.

— Дмитрий Петрович.

— Что?

— Савелий передал, чтобы без него к старой дороге не ехали.

— Почему?

— Не сказал.

— Когда передал?

— Мальчишка из Берестова принёс.

— Где Савелий?

Егор пожал плечами.

— В лесу, наверное.

Соболев посмотрел на небо. День обещал быть жарким.

На веранде Елена уже ждала в амазонке.

— Ну?

— Прогулка откладывается.

— Почему?

— Савелий просил не ехать без него.

— Значит, ждём.

Соболев кивнул. Елена посмотрела на него чуть внимательнее.

— Вы расстроены.

— Нет.

— Лжёте.

— Немного.

Она улыбнулась.

— Знаете, Дмитрий Петрович, ещё два дня — и вы окончательно перестанете притворяться, что отдыхаете.

— Я не притворяюсь.

— А что делаете?

Соболев посмотрел в сторону далёкого леса.

— Пока пытаюсь понять, почему мне всё время мешают.

— Кто?

Он усмехнулся.

— Именно это и интересно.

Елена уже собиралась ответить, когда со стороны деревни показался всадник.

Он ехал быстро. Слишком быстро для обычного утреннего визита.

Егор тоже обернулся. Всадник свернул к усадьбе.

Через несколько минут стало видно молодого конюха из Берестова.

Он почти не остановил лошадь, спрыгнул возле крыльца и сразу спросил:

— Андрей Сергеевич дома?

Елена поднялась.

— Что случилось?

Парень тяжело дышал.

— Аркадий Львович велели передать...

Он замолчал, увидев Соболева.

— Что передать? — спросила Елена.

— Чтобы никто сегодня к Чёрному логу не ездил.

Соболев медленно встал.

— Почему?

Конюх посмотрел на него.

— Не знаю.

— Где Сомов?

— Утром был в Берестове. Потом уехал.

— Куда?

Парень покачал головой.

— Не сказал.

Соболев встретился взглядом с Еленой.

Она тихо произнесла:

— Всё ещё отпуск?

Дмитрий Петрович не ответил.

Далеко над лесом светило яркое июньское солнце. До темноты оставалось много часов.

И всё же Соболев вдруг совершенно ясно подумал о трёх голубых огнях. О перевёрнутой подкове. О ночной прогулке Сомова.

И о том, что сегодня сразу два человека независимо друг от друга попросили его не ехать к Чёрному логу. Савелий. И Сомов.

Это могло быть совпадением.

Но совпадения Соболев никогда не любил.

Особенно когда их становилось два.

ГЛАВА V

ЛОШАДЬ БЕЗ ВСАДНИКА

«Иногда беда входит в дом не через дверь. Иногда она возвращается на хозяйской лошади».

Из старой деревенской поговорки

До полудня ничего не произошло.

И именно это беспокоило Соболева сильнее всего.

После тревожного приезда конюха из Берестова Липовый Ключ словно нарочно вернулся к обычной жизни.

Андрей Сергеевич долго возмущался тем, что Сомов распоряжается его гостями так, будто имение принадлежит управляющему.

— «Никому не ездить к Чёрному логу», — передразнил он, расхаживая по веранде. — Может быть, мне ещё спрашивать у него разрешение, можно ли выйти в собственный сад?

— Лучше спроси, — сказала Елена. — Вдруг сад тоже закрыт.

— Ты шутишь, а мне это совершенно не нравится.

— Тогда выясни, что случилось.

— Я и собираюсь.

Андрей повернулся к конюху:

— Где Аркадий Львович сейчас?

— Не знаю, Андрей Сергеевич.

— Ты только что сказал, что видел его в Берестове.

— Утром видел.

— Потом?

— Уехали.

— Куда?

Парень снова покачал головой.

— Не сказали.

— Верхом?

— Верхом.

— Один?

— Один.

Андрей раздражённо махнул рукой.

— Прекрасно. Когда вернётся — пусть сразу ко мне.

Конюх снял картуз.

— Скажу.

— И Савелия найди, если увидишь.

— Хорошо.

Парень уже собирался уходить, но Соболев остановил его.

— Как тебя зовут?

— Федось, Дмитрий Петрович.

— Ты сам видел Сомова утром?

— Сам.

— Во сколько?

— Часов в восемь.

— Он был один?

— Один.

— С кем говорил?

Федось задумался.

— С приказчиком у лавки. Потом с почтовым человеком. Потом со мной.

— Что тебе сказал?

— Чтобы ехал сюда и передал про лог.

— Почему именно тебе?

— Я как раз лошадь у кузницы держал.

— Он выглядел встревоженным?

Парень не сразу понял вопрос.

— Сердитый был.

— На кого?

— Не знаю.

— Торопился?

— Да.

— В какую сторону уехал?

Федось показал рукой.

— По северной дороге.

Елена тихо сказала:

— Она выходит к лесу.

Соболев кивнул.

— Спасибо.

Когда парень ушёл, Андрей посмотрел на Соболева.

— Вот теперь это уже допрос.

— Нет.

— А что тогда?

— Разговор.

— С шестью вопросами подряд?

— Я сократил.

— Страшно представить полный вариант.

Соболев улыбнулся. Но мысли уже ушли дальше.

Сомов утром приезжает в Берестово. Передаёт распоряжение никого не пускать к Чёрному логу. Сам уезжает в сторону леса. Савелий тоже где-то там.

И оба независимо друг от друга требуют не приезжать без них.

Слишком много внимания одному месту.

— Дмитрий Петрович, — сказала Елена.

— Да?

— Только не говорите, что сейчас пойдёте седлать лошадь.

Он посмотрел на неё.

— Не пойду.

— Правда?

— Пока нет.

— Уже лучше.

Андрей усмехнулся.

— Лена, ты слишком рано радуешься.

...

После завтрака Соболев попытался читать. Не получилось.

Потом прошёлся по саду. Не помогло.

В полдень он заглянул в конюшню и обнаружил Егора. Тот чинил ремень.

— Сомов лошадь брал отсюда?

— Сегодня?

- Да.
- Нет.
- На какой он ездит?
- Обычно на своём гнедом. Держит в Берестове у кузена.
- Почему не здесь?
- Ему удобнее.
- Понятно.
- Егор поднял глаза.
- Дмитрий Петрович.
- Что?
- Вы всё-таки поедете?
- Куда?
- В лог.
- Соболев усмехнулся.
- У вас тоже новости быстро ходят.
- Здесь всё быстро ходит.
- Пока не собираюсь.
- Егор кивнул.
- И правильно.
- Почему?
- Потому что если Савелий сказал ждать, значит, лучше ждать.
- Вы ему доверяете?
- Да.
- А Сомову?
- Егор вернулся к ремню.
- Он управляющий.
- Это не ответ.
- Другого нет.
- Соболев несколько секунд смотрел на него.
- Вы его не любите.
- Уже спрашивали.
- И всё ещё не ответили.
- Егор пожал плечами.
- Он землю любит больше людей.
- Это преступление?
- Нет.
- Тогда что?
- Иногда неприятно.
- Соболев не стал продолжать. Уходя, он заметил пустое стойло.
- Чья лошадь?
- Аркадия Львовича иногда здесь ставим, когда ночует в усадьбе.
- Его гнедой?
- Да.
- Как зовут?
- Ветер.
- Соболев усмехнулся.
- Наконец нормальное имя.
- Лошадь хорошая.
- Быстрая?

— Очень.

— Пугливая?

— Нет.

— Домой сама возвращается?

Егор посмотрел на него.

— Если дорогу знает — может.

— Просто спросил.

— Я понял.

Соболев вышел. Вопрос действительно был случайным.

Пока.

...

К двум часам приехал доктор Белозёров.

Он появился в лёгком дорожном костюме, с саквояжем в руке и сразу спросил Андрея:

— Где Сомов?

— Сам хотел бы знать.

Доктор нахмурился.

— Он должен был быть у меня утром.

Соболев повернулся.

— Зачем?

Белозёров взглянул на него.

— Личная медицинская причина.

— Простите.

— Ничего.

Андрей спросил:

— Он опять плохо себя чувствует?

Доктор помолчал.

— Последние недели — да.

— Что у него?

— Андрей Сергеевич.

— Я хозяин.

— А он пациент.

— Значит, не скажете?

— Без его согласия — нет.

Соболев заметил, что Белозёров раздражён не вопросом. Тем, что Сомов не пришёл.

— Он должен был быть у вас во сколько? — спросил Соболев.

— В девять.

— Не появился?

— Нет.

— Он когда-нибудь пропускал назначенное время?

— Редко.

— Насколько редко?

Белозёров посмотрел внимательнее.

— Вы уже что-то подозреваете?

— Пока нет.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что он утром был в Берестове и уехал в сторону леса.

Доктор сразу нахмурился.

— Один?

— Да.

— На лошади?

— Да.

— Когда?

— После восьми.

Белозёров задумался.

Андрей спросил:

— Что?

— Ничего.

— Алексей Матвеевич.

— Андрей, если бы я видел здесь медицинскую опасность, сказал бы. Сейчас мне просто не нравится, что он не пришёл.

Соболев заметил одну мелочь. Доктор посмотрел в сторону дороги. Не дома. Не сада.

Именно дороги.

Как человек, ожидающий, что кто-то сейчас появится.

Сомов не появился.

...

После обеда жара стала почти невыносимой. Компания перебралась в дом. Андрей уснул в кресле в гостиной. Белозёров уехал к больному. Гордин работал с картами. Елена устроилась у окна с книгой. Соболев сидел напротив. Он тоже держал книгу. Оба не читали.

Минут через десять Елена сказала:

— Вы уже третью страницу перелистываете назад.

— Вы тоже.

Она посмотрела на свою книгу.

— Я хотя бы не притворяюсь.

— Я тоже не притворяюсь.

— Тогда о чём думаете?

— О Сомове.

Елена закрыла книгу.

— Я знала.

— Это не трудно.

— Вы беспокоитесь?

Соболев немного помолчал.

— Скорее мне не нравится отсутствие объяснений.

— Это одно и то же?

— Нет.

— А мне кажется, да.

Он посмотрел на неё.

— Вы за него беспокоитесь?

— Не знаю.

Она встала и подошла к окну.

— Аркадий Львович всегда был здесь. Сколько себя помню. Не добрый. Не мягкий. Не любимый всеми. Но надёжный.

— Надёжный?

— Если он сказал, что что-то будет сделано, значит, будет.

— И сегодня?

— Поэтому странно.

Соболев подошёл ближе.

— Может быть, он просто занят.

— Может быть.

Они молчали. Потом Елена сказала:

— Вчера ночью он уходил пешком.

Соболев повернулся к ней.

— Вы тоже видели?

— Нет. Слышала калитку. Потом посмотрела из окна.

— Во сколько?

— После двенадцати.

— Куда?

— В поле.

— Вернулся?

— Не знаю.

Соболев нахмурился.

— Почему не сказали раньше?

— Потому что вы были в отпуске.

Он посмотрел на неё. Она улыбнулась.

— Теперь уже не смешно?

— Не очень.

— А ещё потому, что в том нет ничего необычного. Сомов иногда ходит ночами в деревню. У него там дела.

— Какие?

— Не знаю.

— Женщина?

Елена пожала плечами.

— Возможно.

— Вы так думаете?

— Я стараюсь не расследовать чужие ночные прогулки.

— Полезное качество.

— Вам бы тоже пригодилось.

Он улыбнулся. Но мысль уже зацепилась. Ночь. Сомов выходит пешком. Утром оказывается в Берестове. Потом уезжает к лесу. И исчезает.

Пока всё ещё могло иметь простое объяснение.

Но простые объяснения почему-то не приходили.

...

К четырём часам Сомов не вернулся. Андрей начал раздражаться по-настоящему.

— Он должен был проверить счета.

— Возможно, задержался, — сказала Елена.

— Где?

Никто не ответил.

Гордин вышел на веранду с бумагами.

— Андрей Сергеевич, без подписи Сомова я не могу закончить северные участки.

— Когда вернётся, подпишет.

— Вы знаете, где он?

— Нет.

Гордин нахмурился.

— Странно.

Соболев спросил:

— Почему?

— Сегодня он сам назначил мне встречу на три.

— По какому поводу?

— Документы.

— Какие именно?

Землемер помолчал.

— Старые планы.

— Чёрного лога?

— Частично.

— Что значит «частично»?

— Западная граница имения. Там старая дорога, мельница, лесные участки.

Андрей резко сказал:

— Пётр Антонович, не надо снова превращать всё в тайну. Если знаете что-то важное — говорите.

Гордин слегка побледнел.

— Я ничего не превращаю в тайну. Просто часть бумаг не совпадает.

— С чем?

— С фактической границей.

— Насколько?

— Местами на несколько десятков саженей.

— И что?

— И это не ошибка.

Соболев посмотрел на него.

— Почему уверены?

— Потому что изменения внесены позже.

— Кем?

— Не знаю.

— Сомов знает?

— Думаю, да.

— Вы обсуждали?

— Мы спорили.

— Вчера?

— И вчера тоже.

Андрей встал.

— Пётр Антонович, вы хотите сказать, что кто-то менял границы моего имения без моего ведома?

Гордин осторожно ответил:

— Я пока хочу сказать только то, что документы нуждаются в проверке.

Соболев отметил. Вот и причина напряжения. Но причина убийства ли? Нет.

Убийства пока не было.

Он поймал себя на этой мысли и мысленно выругался.

Почему он вообще подумал именно так?

...

Около шести вечера приехал Ладин.

Он сразу заметил настроение.

— Что случилось?

Андрей ответил:

— Сомов исчез.

— Насовсем?

— Виктор.

— Хорошо. Давно?

— С утра.

Ладин присвистнул.

— На него не похоже.

Соболев спросил:

— Вы сегодня его видели?

— Нет.

— Вчера?

— Да.

— Когда?

— Перед ужином. Он был в моём имении.

Все посмотрели на Ладина. Андрей нахмурился.

— У тебя?

— Да.

— Зачем?

— Спорили о лесной границе.

Гордин поднял голову.

— О какой?

— Южной.

— Там нет спора.

— Сомов считал иначе.

Соболев заметил, как землемер резко выпрямился.

— Что именно он хотел?

— Чтобы я признал старый межевой знак.

— А вы?

— Послал его к чёрту.

Елена тихо сказала:

— Виктор.

— В переносном смысле.

— Вы поссорились? — спросил Соболев.

Ладин усмехнулся.

— Сильно.

— Насколько?

— Он назвал меня человеком, который пользуется беспорядком в чужих документах.

— А вы?

— Сказал, что если он ещё раз обвинит меня в воровстве земли, я выбью из него эти слова.

Андрей закрыл глаза.

— Прекрасно.

Соболев смотрел на Ладина. Тот выдержал взгляд.

— Можете записать.

— Я ничего не записываю.

— Пока.

— Когда Сомов уехал от вас?

— Около восьми.

— Верхом?

— Да.

— Один?

— Да.

— Куда?

— В сторону Берестова.

Соболев кивнул. Ещё одна точка. Вчера вечером Ладин и Сомов ссорятся. Ночью Сомов выходит из дома. Утром появляется в Берестове. Потом уезжает к лесу.

Слишком много движения. Слишком мало смысла.

...

Ужин накрыли позже обычного. Никто не говорил о голоде.

Стол стоял на веранде. Солнце уже уходило к лесу. Воздух наконец стал прохладнее.

Сомов всё ещё не вернулся.

Андрей сидел молча. Елена почти не ела. Ладин несколько раз предлагал послать людей.

Андрей отмахивался.

— До темноты подождём.

Соболев не вмешивался. До темноты было разумно. Сомов взрослый человек. Местность знает. Лошадь хорошая.

Но около десяти Соболев сам подошёл к Егору.

— Оседлайте Серого.

Егор посмотрел.

— Едем?

— Пока только приготовьте.

— Елене Сергеевне тоже?

Соболев медленно повернулся. Елена стояла в дверях.

— Разумеется, — сказала она.

— Нет.

— Мы это уже обсуждали.

— Сегодня другое.

— Именно поэтому я еду.

— Елена Сергеевна.

— Дмитрий Петрович.

Егор перестал улыбаться и ушёл в конюшню.

Соболев посмотрел на неё.

— Если придётся искать Сомова ночью, это не прогулка.

— Я знаю эти дороги лучше вас.

— Это единственный аргумент, который мне мешает просто запретить.

— Вы не можете мне запретить.

— К сожалению, тоже верно.

— Значит?

— Значит, если поедем, держитесь рядом.

Она кивнула.

На этот раз без насмешки.

...

В половине одиннадцатого Андрей уже собирался отправлять людей в разные стороны.

Именно тогда во дворе послышался топот. Все замерли.

Елена первой встала.

— Сомов?

Лошадь приближалась быстро. Слишком быстро. Егор выбежал из конюшни. Андрей спустился с веранды. Соболев пошёл следом.

Из темноты липовой аллеи вылетел гнедой конь. Без всадника.

Он пронёсся почти до самого крыльца, потом резко остановился, дрожа всем телом.

Егор схватил повод.

— Ветер!

Лошадь была покрыта пеной. На груди и боках грязь. Одно стремя болталось. Седло съехало набок.

Елена побледнела.

Андрей тихо сказал:

— Господи.

Соболев подошёл ближе.

— Не трогайте седло.

Егор замер.

— Дмитрий Петрович?

— Никто ничего не трогает.

Он сам приблизился. На левом краю седла темнело пятно.

Соболев провёл пальцем рядом, не касаясь. Кровь. Свежая.

Андрей выругался.

— Сколько?

— Пока не знаю.

Соболев осмотрел стремяна. Правое цело. Левый ремень частично надорван. Не перерезан.

Именно надорван.

На гриве застрял сухой лист. На задней ноге была свежая царапина. Соболев посмотрел на копыта. Грязь. Тёмная, почти чёрная.

Елена тихо сказала:

— Такая земля у Чёрного лога.

Он поднял глаза.

— Уверены?

— Да.

— Егор?

Тот присел. Потрогал землю на копыте.

— Похоже.

— На старой дороге тоже?

— Да.

Соболев выпрямился.

Отпуск закончился. Без приказа. Без официального решения. Просто в этот момент.

— Андрей Сергеевич.

— Да.

— Сколько у вас людей, которые хорошо знают лес?

— Человек шесть.

— Егор с нами.

— Конечно.

— Ладин?

— Я еду, — сказал Виктор.

— Хорошо.

— Я тоже, — сказала Елена.

Соболев посмотрел на неё. Она не отвела взгляд.

— Рядом со мной.

— Хорошо.

Андрей спросил:

— Что берём?

— Фонари. Ружья. Верёвку. Если есть носилки — тоже.

Он сказал последнее тихо. Но все услышали. Елена опустила глаза. Андрей побледнел.

— Ты думаешь...

— Пока я думаю только, что человек не вернулся, а его лошадь вернулась с кровью.

— Может быть, упал.

— Может быть.

— Тогда почему носилки?

Соболев посмотрел на него.

— Потому что искать ночью легче, когда готов ко всему.

...

Через пятнадцать минут они выехали. Соболев. Елена. Андрей. Ладин. Егор. И трое работников усадьбы.

Фонари пока не зажигали.

Светлая северная ночь позволяла видеть дорогу.

Ветер остался во дворе.

Егор перед выездом ещё раз осмотрел его и сказал:

— Пришёл с северной дороги.

— Точно?

— След свежий. Через поле.

Соболев кивнул.

Они поехали туда. Первые две версты двигались быстро. Потом дорога вошла в лес. Стало темнее. Зажгли фонари. Егор ехал впереди. Соболев рядом.

— След увидите?

— Пока земля сухая — трудно.

— Дальше?

— У лога мягче.

Сзади слышался голос Андрея:

— Лена, осторожнее.

— Я вижу.

Соболев не оборачивался. Он слушал лес. Каждый звук теперь казался значительным.

Ветка. Птица. Шорох травы. Лошадь впереди.

Через полчаса Егор остановился.

— Здесь.

Все приблизились.

На дороге в свете фонаря были видны следы копыт. Свежие. Один конь.

Соболев спешил. Присел.

— Ветер?

Егор посмотрел.

— Похоже.

— В какую сторону?

— Туда.

Он указал на Чёрный лог. Соболев провёл пальцами по земле. След глубокий. Лошадь шла быстро. Потом дальше появилась ещё одна группа.

— А это?

Егор нахмурился.

— Другой конь.

— Старый след?

— Нет.

— Значит, здесь были двое.

Ладин подъехал ближе.

— Сомов встречался с кем-то?

Соболев не ответил. Они двинулись дальше. Старая дорога становилась хуже. Ветки цеплялись за одежду. Земля темнела.

Через несколько минут Егор снова остановился.

— Вот.

Соболев спешил. На земле были следы. Много. Не один и не два. Несколько лошадей. И один след выглядел странно.

Соболев поднял фонарь. Подкова. Развёрнута. Он почувствовал, как холодеет внутри. Савелий был прав.

— Андрей.

— Что?

— Ничего. Пока.

Елена уже спешила рядом.

— Это она?

— Да.

— Перевёрнутая?

— Да.

Ладин услышал.

— Что за чёрт?

Соболев посмотрел на него.

— Именно это мы и выясним.

Они продолжили.

Через четверть часа дорога вышла к краю Чёрного лога. Здесь лес резко опускался вниз. Воздух стал сырым. Где-то журчала вода. Егор поднял руку.

— Тихо.

Все остановились. Соболев услышал. Не лошадь. Какой-то короткий металлический звук. Потом тишина.

Он поднял фонарь выше.

— Сомов!

Голос ушёл в лес.

Ответа не было.

Андрей крикнул:

— Аркадий!

Ничего.

Соболев спустился с дороги. Земля здесь была мягкая. Следы уходили в сторону.

— Сюда.

Они пошли пешком. Лошадей оставили с двумя работниками. Через несколько десятков шагов Елена остановилась.

— Дмитрий Петрович.

Он обернулся. Она показывала вниз. На траве лежала перчатка. Мужская. Тёмная.

Соболев поднял.

Андрей сразу сказал:

— Его.

— Уверены?

— Да. Я видел сегодня.

Соболев осмотрел перчатку. Крови нет. Грязь. Разрыв у большого пальца.

Он положил её в карман. Пошли дальше.

Теперь никто не говорил. Егор первым увидел дерево.

— Там.

Свет фонарей сошёлся. Под сосной что-то лежало. Человек. Елена замерла.

Андрей шагнул вперёд.

— Аркадий!

Соболев поднял руку.

— Не подходите.

Он подошёл сам. Сомов лежал на боку. Одна рука вытянута. Другая под телом. Лицо повернуто к земле. Шляпы нет. На затылке тёмная кровь.

Соболев присел. Коснулся шеи. Холодная.

Он молчал несколько секунд. Потом выпрямился.

Андрей уже всё понял.

— Мёртв?

— Да.

Елена закрыла глаза. Ладин выругался сквозь зубы.

Соболев поднял фонарь. Осмотрел место. Трава примята. Следы сапог. Следы копыт.

Но почти нет крови. Слишком мало. Он присел снова. Осмотрел голову. Удар тяжёлым предметом. Сильный. Возможно, один. Потом посмотрел на землю.

Сомова убили не здесь. Он понял это почти сразу. Но ничего не сказал. Пока.

Вместо этого спросил:

— Андрей, что он обычно носил при себе?

Вересов посмотрел на него непонимающе.

— Что?

— Бумажник. Часы. Ключи.

— Всё.

Соболев осторожно проверил карманы. Часы были. Бумажник тоже. Деньги на месте.

Ключи. Платок. Небольшой складной нож.

Но во внутреннем кармане пиджака обнаружилась пустая кожаная петля.

Что-то там было закреплено. Теперь отсутствовало.

— Андрей.

— Да?

— У него был футляр?

— Какой?

— Небольшой. Кожанный. На ремешке или петле.

Андрей задумался.

— Да. Кажется. Для бумаг.

— Часто носил?

— Почти всегда.

— Где он?

Никто не ответил.

Соболев поднялся. Посмотрел вокруг. Тёмный лес. Старая дорога. Чёрный лог. Три голубых огня. Перевернутая подкова. Мёртвый управляющий. И исчезнувший футляр.

Отпуск окончился окончательно.

Он повернулся к Егору.

— Никто не ходит дальше, пока я не осмотрю место.

Ладин спросил:

— Вы берёте дело?

Соболев посмотрел на него.

— Я пока беру фонарь.

— А потом?

Дмитрий Петрович не ответил.

Потому что в этот момент далеко между деревьями вспыхнул голубой огонь. Один.

Елена резко обернулась.

Потом появился второй. Чуть левее. Третий — выше. Три огня горели в темноте.

Совсем недолго. Потом исчезли. Соболев смотрел туда. На этот раз никто не шутил.

И никто уже не говорил о болотном газе...

ГЛАВА VI

МЕРТВЕЦ В ЧЁРНОМ ЛОГУ

«Место, где найдено тело, ещё не всегда место преступления. Иногда это всего лишь место, выбранное для чужой ошибки».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Первым делом Соболев заставил всех отойти.

Это вызвало недовольство Ладина, раздражение Андрея и явное непонимание двух работников, которые уже готовились поднять тело.

— Никто ничего не трогает, — повторил Соболев. — Даже ветки.

— Дмитрий, — начал Андрей, — его надо вынести отсюда.

— Надо. Но не сейчас.

— Он мёртв.

— Именно поэтому теперь можно не спешить.

Андрей резко отвернулся.

Соболев сразу пожалел о сказанном.

Фраза была профессионально точной и человечески неуместной. Он подошёл ближе.

— Андрей Сергеевич.

Тот не ответил.

— Простите.

Андрей долго смотрел в сторону леса. Потом кивнул.

— Делай что нужно.

Соболев вернулся к телу.

Елена стояла чуть поодаль. Она не плакала. Но лицо стало совершенно другим.

Соболев видел такой взгляд много раз: человек ещё не принял произошедшее, потому что слишком быстро всё изменилось.

Час назад Сомов был просто отсутствующим управляющим. Теперь лежал мёртвым под сосной.

Ладин подошёл ближе.

— Чем помочь?

— Держите фонарь.

— Вот так?

— Ниже.

Ладин опустил руку. Соболев присел.

Сомов лежал на правом боку, немного согнув ноги. Левая рука вытянута вперёд, ладонь раскрыта. Пальцы испачканы землёй.

Одежда в целом была в порядке. Не разорвана. Пуговицы застёгнуты. На воротнике грязь.

На коленях тоже. На правом сапоге глубокая царапина. Шляпы действительно не было.

Соболев осторожно наклонился.

Рана находилась ближе к затылку, немного слева. Кровь засохла в волосах. Удар был тяжёлый. Но вокруг тела крови почти не было. На траве несколько тёмных капель.

И всё.

Соболев провёл взглядом по земле.

Если Сомов получил такой удар здесь, крови должно быть больше. Значительно.

Особенно если он не умер мгновенно.

Соболев посмотрел на положение тела.

Что-то не сходилось.

Он поставил фонарь на землю.

— Виктор Павлович.

— Да?

— Подойдите с другой стороны, но не наступайте ближе к телу.

Ладин осторожно обошёл.

— Что видите?

— Следы.

— Сколько человек?

Ладин нахмурился.

— Не знаю.

— Я тоже.

— Хороший ответ.

— Зато честный.

Свет фонаря падал на мягкую землю. Возле тела было слишком много отметин.

След сапога. Ещё один. Сбитая трава. Копыто. Потом ещё одно.

Ночь, люди, поиск — часть следов могли оставить они сами.

Соболев мысленно выругал себя.

Нужно было остановить всех раньше. Но тогда они ещё искали живого человека.

Логика следствия всегда запаздывает на несколько минут по сравнению с человеческой надеждой.

— Егор.

— Я здесь.

— Вы подходили к телу до меня?

— Нет.

— Кто первым увидел?

— Я.

— Насколько близко были?

— Саженой пять.

— Потом?

— Позвал вас.

— Хорошо.

Соболев посмотрел на Андрея.

— А ты?

— Подошёл шага на три.

— Ближе?

— Нет.

— Елена Сергеевна?

— Я стояла там.

Она указала.

Соболев кивнул.

— Работники?

— С лошадьми.

Лучше, чем он опасался.

Теперь можно было отделить большую часть свежих следов.

Он снова посмотрел на тело. Потом на траву вокруг головы. Нет. Здесь его не убили. Уверенность становилась сильнее.

Соболев не любил ранние выводы. Особенно свои.

Но сейчас почти не сомневался.

— Что? — спросил Ладин.

— Пока ничего.

— У вас лицо человека, который уже что-то понял.

Елена тихо сказала:

— У него всегда такое лицо, когда он не хочет говорить.

Соболев поднял глаза.

— Начинаете слишком хорошо меня узнавать.

— Я предупреждала.

Он снова вернулся к осмотру. В кармане жилета лежали часы. Серебряные. Не повреждены, но остановились.

Соболев поднёс их ближе к свету. Без двадцати десять.

— Это время смерти? — спросил Андрей.

— Не обязательно.

— Почему остановились?

— Могли остановиться от удара. Могли раньше. Могли быть плохо заведены.

— Но ты запомнишь.

— Конечно.

Андрей горько усмехнулся.

— Вот теперь узнаю тебя.

Соболев промолчал.

В бумажнике было достаточно денег, чтобы исключить обычное ограбление.

Перстень на пальце. Портсигар. Спички. Ключи. Нож. Несколько сложенных квитанций.

И пустая кожаная петля во внутреннем кармане. Соболев исследовал её внимательнее.

Петля была не оторвана. Ремешок расстёгнут. Значит, футляр сняли. Не вырвали в борьбе.

— Андрей, ты уверен насчёт кожаного футляра?

— Да. Сейчас уже уверен.

— Как выглядел?

— Тёмно-коричневый. Маленький. Сомов носил там бумаги, которые не хотел складывать.

— Размер?

Андрей показал ладонями.

— Примерно так.

— Толстый?

— Нет.

— На застёжке?

— Кажется.

Гордин, стоявший поодаль, неожиданно сказал:

— Я видел его сегодня утром.

Все повернулись. Соболев поднялся.

— Где?

— У Аркадия Львовича.

— Когда?

— Около девяти.

— В Берестове?

— Нет. В усадьбе.

Андрей нахмурился.

— Но утром его не было.

— Он приезжал ненадолго.

Соболев посмотрел на Гордина.

— Вы уверены?

— Совершенно.

— Почему раньше не сказали?

Землемер явно растерялся.

— Никто не спрашивал.

— Вы разговаривали?

— Да.

— О чём?

— О документах.

— Каких?

Гордин замолчал. Именно это молчание заметили все. Ладин усмехнулся без веселья.

— Вот теперь стало интереснее.

Гордин резко повернулся к нему.

— Ничего интересного.

Соболев поднял руку.

— Не сейчас.

Он снова посмотрел на землемера.

— У Сомова был футляр?

— Был.

— В руках?

— Да.

— Он открывал его?

— Нет.

— Вы знаете, что внутри?

— Нет.

— Точно?

— Да.

Соболев кивнул.

— Хорошо.

Гордин отступил. Но теперь его лицо изменилось. Раньше он выглядел просто напуганным случившимся.

Теперь — человеком, который понял, что оказался ближе к делу, чем хотел.

...

Соболев осмотрел землю вокруг.

Через несколько минут нашёл первое, что действительно ему не понравилось.

Примерно в трёх шагах от тела начиналась цепочка следов. Не копыт. Человеческих. Глубоких. Как будто человек шёл, неся тяжесть.

Соболев направил фонарь ниже.

— Егор.

Тот подошёл.

— Смотрите.

Егор присел.

— Два человека?

— Возможно.

— Почему?

— Следы глубже обычных.

— Может, бежали.

Соболев покачал головой.

— Тогда носки уходили бы глубже. Здесь вся подошва.

Ладин понял первым.

— Несли?

Соболев посмотрел на него.

— Возможно.

Елена тихо сказала:

— Тело?

Никто не ответил.

Соболев прошёл вдоль следов. Они вели от дороги. Не в лес. К телу. Это было важно.

Очень.

Если тело несли отсюда, следы должны были идти наоборот.

Соболев вернулся.

— Фонарь.

Ладин передал.

Дмитрий Петрович наклонился почти к земле. Следы были частично смазаны.

Но направление можно было понять по выбросу мягкой земли. К телу.

— Его принесли, — сказал Соболев.

Андрей побледнел.

— Ты уверен?

— Почти.

— Значит, убили не здесь?

— Скорее всего.

Елена смотрела на мёртвого Сомова.

— Зачем тогда везти сюда?

Соболев поднялся.

— Вот это уже правильный вопрос.

Ладин оглядел лес.

— Чтобы связать убийство с огнями?

— Возможно.

— Значит, убийца знает про легенду.

— Здесь её знают все.

— Тогда круг небольшой, — горько сказал Андрей.

— Наоборот. Пока слишком большой.

Соболев снова присел возле тела. Осторожно осмотрел ладони. На правой были мелкие занозы. На левой — тёмная полоса, похожая на машинное масло или смазку.

Он потер пальцами край, понюхал. Не масло. Скорее густая смазка для кожаных ремней или колёс.

Егор тоже посмотрел.

— Что это?

— Не знаю.

— В конюшне такое бывает.

Соболев поднял глаза.

— Для чего?

— Седло, ремни. Оси.

— Цвет похож?

— Может быть.

Соболев запомнил. Пока без вывода.

Потом нашёл на рукаве несколько коротких светлых волосков. Лошадиных. Но человек ездил верхом. Это ничего не доказывало.

Зато на левом плече пиджака была странная вмятина. Как будто ткань некоторое время сильно сдавливали.

Край верёвки? Ремень? Рука? Слишком рано.

Он снова вернулся к ране.

— Нужен доктор.

— Белозёрова можно послать позвать, — сказал Андрей.

— Сейчас?

— Он живёт в трёх верстах от Берестова.

Соболев посмотрел на небо.

— Пусть один человек едет. Быстро. Но осторожно.

Андрей отправил работника.

— Исправнику тоже сообщить?

— Обязательно. Утром.

— Почему не сейчас?

— Ночью он всё равно не даст нам больше, чем уже есть. А дорогу сюда пройдёт половина волости и окончательно затопчет следы.

Андрей кивнул.

Соболев заметил, как легко хозяин подчинился. Ещё вчера они шутили о вмешательстве следователя. Теперь никто не спорил.

Это тоже был конец отпуска.

...

Голубые огни больше не появлялись.

После того короткого всплеска лес снова стал обычным.

И от этого происходящее казалось ещё неприятнее.

Ладин время от времени смотрел туда, где они вспыхнули.

— Могли видеть нас?

— Кто? — спросил Соболев.

— Те, кто зажигает.

— Если были достаточно близко.

— Значит, знают, что мы нашли тело.

— Возможно.

— И что теперь?

— Ничего.

Ладин удивился.

— Ничего?

— Мы не знаем, кто они. Не знаем, где находятся. Не знаем, связаны ли с убийством. Бежать за огнями сейчас — лучший способ потерять и огни, и следы, и ещё кого-нибудь.

— Разумно.

— Иногда со мной случается.

Елена посмотрела на него.

— Вы говорили то же самое вчера.

— Значит, есть прогресс.

Она едва улыбнулась.

Это был первый слабый признак прежней Елены после находки тела.

Соболев почему-то почувствовал облегчение.

...

Через час вернулся отправленный за Белозёровым человек.

Доктор приехал сам. Он спешился почти на ходу.

— Где?

Соболев показал.

Белозёров подошёл к телу. Лицо его стало жёстким.

— Давно?

— Предположительно несколько часов.

Доктор надел очки. Осмотрел затылок. Пульс, хотя в этом уже не было смысла. Глаза.

Кожу.

Потом посмотрел на Соболева.

— Удар.

— Один?

— Я вижу одну основную рану. Возможно, этого хватило.

— Чем?

— Тупым тяжёлым предметом. Не очень широким.

— Рукоять?

— Может быть.

— Хлыста?

Белозёров задумался.

— Теоретически, если рукоять металлическая или утяжелённая.

Ладин неожиданно посмотрел на Андрея. Соболев заметил.

— Почему вы посмотрели на него?

Ладин нахмурился.

— Что?

— Только что.

— Ничего.

— Виктор Павлович.

Тот вздохнул.

— У Андрея есть старый английский хлыст с серебряной рукоятью. Тяжёлый.

Андрей вспыхнул.

— Ты с ума сошёл?

— Я ничего не утверждаю.

— Тогда зачем сказал?

— Потому что он спросил.

Соболев вмешался:

— Всё. Хватит.

Он повернулся к доктору.

— Здесь его убили?

Белозёров осмотрел землю. Потом рану.

— Я бы сказал, нет.

— Почему?

— Слишком мало крови.

— Ещё?

Доктор аккуратно приподнял голову.

— Кровь уже частично свернулась до того, как тело оказалось в таком положении. Видите направление?

Соболев наклонился.

Да. Тонкая засохшая дорожка шла не туда, куда должна была при нынешнем положении головы.

— Значит, он лежал иначе.

— Или находился вертикально после удара какое-то время.

— Мог идти?

— Недолго. Если удар не убил мгновенно.

— Время смерти?

Белозёров помолчал.

— Очень приблизительно. Между восьмью и десятью вечера.

Соболев достал часы Сомова.

— Они остановились без двадцати десять.

Доктор посмотрел.

— Может совпасть.

— Но не обязано.

— Именно.

Андрей тихо спросил:

— Он мучился?

Белозёров посмотрел на него.

— Думаю, недолго.

Андрей кивнул и отошёл. Елена пошла за братом.

Соболев не остановил.

...

Теперь можно было переносить тело. Но прежде Соболев решил проверить дорогу.

Он взял Егора и Ладина.

— Недалеко?

— Только до развилки.

Елена сразу сказала:

— Я с вами.

— Нет.

— Дмитрий Петрович.

— Сейчас действительно нет.

Она посмотрела на него. Впервые без улыбки.

— Почему?

— Потому что кто-то убил человека и перенёс тело сюда. Мы не знаем, где этот кто-то сейчас.

— И поэтому вы идёте сами?

— Со мной двое мужчин и оружие.

— Это аргумент?

— Сегодня — да.

Елена хотела возразить. Потом вдруг кивнула.

— Хорошо.

Соболев немного удивился.

— Просто хорошо?

— Не привыкайте.

Он улыбнулся.

— Постараюсь.

...

Старая дорога ночью выглядела хуже, чем днём.

С двух сторон её стягивали деревья. В нескольких местах колея исчезала под травой.

Егор шёл впереди с фонарём.

— Вот здесь след Ветра.

— Откуда знаете?

— Подкова на правой задней чуть сколота.

Соболев присел. Действительно. Следы гнедого шли к логу. Потом обратно. Но рядом были другие.

— Сколько?

Егор осмотрел.

— Три. Может, четыре.

— Те же, что раньше?

— Не скажу.

Ладин показал:

— Вот перевёрнутая.

Соболев подошёл.

Да. Тот самый странный след. Но теперь заметил ещё кое-что. Цепочка с перевёрнутой подковой шла рядом со следами Ветра. Некоторое расстояние. Потом расходилась.

— Что это значит? — спросил Ладин.

— Пока только то, что лошадь с перевёрнутой подковой была здесь примерно в то же время.

— Примерно?

— Земля не часы.

Они прошли дальше. У развилки Егор остановился.

— Вот.

На земле лежала шляпа. Сомова. Соболев поднял. Внутри земля. Крови нет. Шляпа была смята с одного бока.

— Значит, здесь упал? — спросил Ладин.

— Возможно.

Соболев осмотрел место. Следы борьбы? Трудно сказать. Но на стволе молодой берёзы была свежая царапина. На высоте человеческого плеча. И небольшой кусочек тёмной ткани. Он снял.

— От его пиджака?

Ладин посмотрел.

— Похоже.

Соболев спрятал кусочек.

В пяти шагах от дороги земля была примята. Но крови снова почти не было. Одна капля. Потом ещё одна. Вели обратно к дороге.

— Его везли? — спросил Ладин.

Соболев молчал.

Версия складывалась.

Сомов приходит или приезжает сюда. Здесь что-то происходит. Но смертельный удар, вероятно, нанесён в другом месте.

Потом тело везут. Но зачем шляпа здесь? Почему кусок ткани?

Можно инсценировать борьбу. Или действительно была борьба до убийства. Слишком много возможностей. Он ненавидел слишком много возможностей.

— Возвращаемся.

Ладин удивился.

— Всё?

— На сегодня да.

— Но мы только начали.

— Именно поэтому и нужно остановиться.

— Не понимаю.

— Ночью мы видим половину. Вторую половину придумываем. Утром я предпочитаю видеть.

Ладин усмехнулся.

— Теперь понимаю, почему у вас репутация.

— Какая?

— Скучного человека.

Соболев улыбнулся.

— Зато живого.

...

Тело решили перенести в небольшую комнату хозяйственного флигеля. Не в дом.

Елена настояла, чтобы его накрыли простынёй до возвращения.

Когда всё закончилось, было уже далеко за полночь. Люди устали. Андрей выглядел постаревшим. Соболев подошёл к нему.

— Вам нужно поспать.

— А тебе?

— Тоже.

— Ты же не будешь.

— Скорее всего.

Андрей посмотрел на него.

— Дмитрий.

— Да?

— Я знаю, что ты в отпуске.

— Был.

— Я не имею права просить.

— Тогда не проси.

— Но...

— Утром придет исправник. До тех пор я просто помогу сохранить то, что осталось.

Андрей молчал.

Потом тихо сказал:

— Спасибо.

Соболев кивнул.

Больше ничего не требовалось.

...

В комнате он зажёл лампу. На столе лежали голубое стекло и вчерашняя записка.

Соболев положил рядом вещи, которые разрешил себе временно взять при осмотре: перчатку Сомова; маленький кусок тёмной ткани; часы; несколько записок.

Потом сел. Перед ним уже были факты. Не версии. Факты.

Сомов покинул Липовый Ключ. Его лошадь вернулась одна. На седле кровь. Тело найдено возле Чёрного лога. Деньги и ценности не взяты. Исчез кожаный футляр. Сомов, вероятно, убит не там, где найден. Тело перенесли. Недалеко обнаружена его шляпа. На дороге есть лошадь с перевёрнутой подковой. Появляются три голубых огня. Савелий видел те же следы раньше.

Соболев записал всё. Потом зачеркнул последнюю строку.

«Огни связаны с убийством».

Нет. Это пока не факт.

Написал иначе:

«Огни появляются в районе, связанном с перемещением неизвестных всадников».

Так лучше.

Он отложил карандаш. За окном начинало светлеть. Соболев подошёл к стеклу. Сад был тих.

И вдруг увидел движение. Кто-то шёл по дорожке от конюшни к дому. Высокий человек. Соболев прищурился. Ладин? Нет. Андрей? Тоже нет.

Человек исчез за углом флигеля.

Соболев быстро вышел в коридор. Спустился. На дворе никого.

Он прошёл к конюшне. Там был Егор. Удивительно бодрый.

— Кто сейчас вышел?

— Отсюда?

— Да.

Егор посмотрел на ворота.

— Никого не видел.

— Вы всё время здесь?

— Почти.

— «Почти»?

— Минуту назад ходил за водой.

Соболев посмотрел на тёмный проход между стойлами.

— Кто-нибудь мог войти?

— Мог.

— Лошади?

— Что лошади?

— Беспокоились?

Егор задумался.

— Буян фыркнул.

— Когда?

— Минут пять назад.

Соболев прошёл внутрь.

Несколько лошадей спокойно стояли в стойлах. Он остановился возле места, где иногда ставили Ветра. Пусто. На деревянной перегородке висела сбруя. Рядом — тяжёлый хлыст.

Серебряная рукоять. Соболев замер. Вспомнил слова Ладина.

«У Андрея есть старый английский хлыст с серебряной рукоятью».

Он не стал трогать. Только посмотрел. Рукоять блестела чисто.

Слишком чисто? Нет. Опять версия.

— Егор.

— Да?

— Этот хлыст чей?

— Андрея Сергеевича.

— Давно здесь висит?

Егор посмотрел.

— Всегда.

— Вчера был?

— Не знаю.

— Сегодня утром?

— Не смотрел.

Соболев кивнул.

— Никому пока не говорите, что я спрашивал.

Егор нахмурился.

— Почему?

— Потому что я сам ещё не знаю, зачем спросил.

Он вышел. На востоке уже розовело небо. Утро должно было быть красивым. Но теперь Липовый Ключ выглядел иначе. Тот же дом. Те же липы. Те же лошади. Только один человек был мёртв.

И Соболев уже знал самое неприятное. Убийца не просто оставил тело в Чёрном логоу.

Он рассчитывал, что все будут смотреть туда. На лес. На следы. На голубые огни.

Значит, следовало сделать обратное. Посмотреть туда, откуда тело привезли.

Соболев медленно повернулся к усадьбе. К дому. К конюшне. К людям, которые вчера сидели за одним столом с Сомовым.

И впервые подумал: возможно, убийца вообще не приходил из леса.

Возможно, он приехал туда из Липового Ключа...

ГЛАВА VII

ОТПУСК ЗАКОНЧИЛСЯ

«Есть дела, которые начинаются не с приказа, а с момента, когда человек понимает: уйти в сторону уже невозможно».

Из записной книжки Дмитрия Соболева

Исправник приехал около девяти утра.

К этому часу Липовый Ключ уже не был прежним.

Новость о смерти Сомова успела пройти через усадьбу, конюшню, кухню и, вероятно, половину Берестова. Люди говорили тише обычного. Работники старались не задерживаться возле хозяйственного флигеля. Даже лошади в конюшне казались беспокойнее, хотя Соболев прекрасно понимал, что это уже игра воображения.

Сам он не спал вовсе.

После осмотра хлыста в конюшне Дмитрий Петрович вернулся в комнату, но ложиться не стал.

Сел за стол. Снова перечитал записи. Потом ещё раз.

К рассвету у него было не больше ответов, чем ночью, зато появилось несколько вопросов, которые теперь казались важнее остальных.

Где убили Сомова?

Кто привёз тело к Чёрному логоу?

Зачем понадобилась старая дорога?

Что находилось в кожаном футляре?

И почему сразу несколько человек слишком внимательно относились к голубым огням?

Соболев ненавидел ситуации, в которых загадка пыталась выглядеть сложнее, чем была на самом деле.

Обычно это означало, что кто-то очень хотел, чтобы следователь смотрел не туда.

К восьми часам он умылся, переоделся и спустился вниз.

На веранде сидела Елена. Одна.

Перед ней стояла чашка кофе, к которой она почти не притронулась.

Увидев Соболева, она внимательно посмотрела ему в лицо.

— Вы не спали.

— Немного.

— Вы всегда так врёте?

— Только утром.

Она попыталась улыбнуться, но не получилось.

Соболев сел напротив.

— Андрей где?

— В кабинете. С Гординым.

— И что они там делают?

— Разбирают бумаги Сомова.

— Уже?

— Андрей сказал, что хочет понять, что теперь делать с хозяйством.

— Разумно.

Елена помолчала.

— Вы думаете иначе?

— Я думаю, что бумаги Сомова теперь интересны не только хозяйству.

— Вы о футляре?

— В том числе.

Она посмотрела на сад.

— Вчера всё было нормальным.

Соболев не ответил.

— Это глупая фраза, да?

— Нет.

— Но вы так не думаете.

— Думаю.

— Тогда почему молчите?

Он немного помедлил.

— Потому что после убийства люди всегда говорят одно и то же. «Ещё вчера он был жив». «Ещё утром мы разговаривали». «Никто не ожидал». И каждый раз это звучит банально.

— А на самом деле?

— А на самом деле именно в этом и есть ужас. Всё меняется быстрее, чем человек успевает понять, что прежней жизни уже нет.

Елена посмотрела на него.

— Вы часто это видели.

— Достаточно.

— И поэтому стали таким спокойным?

Соболев усмехнулся.

— Я не спокойный.

— Очень похожи.

— Это профессиональная маскировка.

— А без неё?

Он встретил её взгляд.

— Без неё я сегодня ночью тоже боялся.

Елена явно не ожидала такого ответа.

— Чего?

— Что найдём его живым слишком поздно.

Она опустила глаза. Несколько секунд оба молчали.

Потом со стороны двора донёсся шум колёс.

— Исправник, — сказал Соболев.

Елена посмотрела на него.

— Откуда знаете?

— Слишком громко для гостя.

...

Исправника звали Степан Фёдорович Юдин.

Он был крупным, аккуратным человеком лет пятидесяти, с широкими бакенбардами и привычкой слегка прищуриваться перед каждым вопросом, словно заранее подозревал, что собеседник хочет осложнить ему жизнь.

С экипажа он сошёл не спеша. За ним выбрался молодой письмоводитель с портфелем.

Андрей уже ждал на крыльце.

— Степан Фёдорович.

— Андрей Сергеевич.

Они пожали руки. Юдин посмотрел на Соболева.

— Дмитрий Петрович?

— Да.

— Наслышан.

— Это начинает становиться опасной привычкой.

Исправник усмехнулся.

— Мне сообщили, что вы нашли тело.

— Тело нашли мы все. Осматривал я.

— Хорошо.

Он снял перчатки.

— Тогда, полагаю, сначала осмотрим покойного.

— Именно.

Юдин посмотрел на Андрея.

— Кто ещё был на месте?

— Я, Ладин, Елена, Егор и трое людей.

— Хорошо.

— И доктор Белозёров, — добавил Соболев. — Но позже.

Юдин кивнул.

— Пойдёмте.

...

Белозёров приехал почти одновременно.

Повторный осмотр тела проходил уже при дневном свете. Это многое меняло.

То, что ночью казалось просто тёмным пятном, утром становилось деталью.

Рана на затылке выглядела ещё убедительнее как результат одного тяжёлого удара.

Белозёров снова подтвердил:

— Один основной удар. Я не вижу второго.

Юдин нахмурился.

— Смерть мгновенная?

— Не обязательно.

— То есть мог двигаться?

— Несколько минут. Возможно меньше.

— А говорить?

— Трудно сказать.

Соболев стоял рядом.

— Но крови на месте находки мало.

— Да.

Юдин посмотрел на него.

— Вы считаете, что убили не там?

— Почти уверен.

— Почему «почти»?

— Потому что пока не видел места, где убили.

Исправник усмехнулся.

— Осторожный ответ.

— Удобнее, чем красивый.

Они осмотрели одежду. Деньги. Часы. Портсигар. Ключи.

Юдин сразу спросил:

— Ограбление отпадает?

— Обычное — да.

— А футляр?

Соболев показал кожаную петлю.

— Исчез.

— Что было внутри?

— Пока неизвестно.

— Кто видел последним?

— Гордин утверждает, что видел утром.

Юдин кивнул.

— Значит, с него и начнём.

Соболев ничего не сказал. Исправник заметил.

— Не согласны?

— Я бы начал не с человека.

— А с чего?

— С места.

Юдин посмотрел на него внимательнее.

— Хорошо. После тела едем.

...

К Чёрному логу отправились вшестером.

Юдин. Соболев. Белозёров. Егор. Письмоводитель. И один урядник, приехавший следом.

Елена хотела ехать тоже.

Соболев отказал.

На этот раз она не спорила. Только сказала:

— Вернитесь к обеду.

— Это приказ?

— Просьба.

— Тогда постараюсь.

— Вот теперь лучше.

Юдин услышал.

Посмотрел сначала на Соболева, потом на Елену.

Ничего не сказал. Это Соболеву не понравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.